

Странные романы

Юрий НИКИТИН

Трансчеловек

«ЭКСМО»

2006

Никитин Ю. А.

Трансчеловек / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2006 — (Странные романы)

Все эксперты и все опросы могут сказать, какие книги покупаются лучше, какие хуже. Или какие жанры. Но какая книга действительно нужна, необходима, востребована – этого не могут сказать никакие опросовцы. Тем более, не знают читатели... если книга еще не написана. Подобная ситуация, чтоб вы знали, называется неудовлетворенным спросом. Но вот эта книга, так необходимая человечеству, наконец-то написана. И даже издана. Читайте, и будет вам счастье! И да наступит новый странный мир. В который из вас кто-то войдет. Но кто-то – нет.

Содержание

Предисловие	5
2006 год, 30 мая, 18.00 по Гринвичу	7
2006 год, 30 мая, 18.40 по Гринвичу	10
2006 год, 30 мая, 19.35 по Гринвичу	17
2006 год, 31 мая, 01.00	21
2006 год, 31 мая, 09.00	23
2006 год, 31 мая, 20.35	25
2006 год, 1 июня, 01.40	26
2006 год, 3 июня, 12.20	28
2006 год, 14 июня, 14.20	29
2006 год, 15 октября, 18.00	31
2006-й, 16 октября, 09.00	36
2006-й, 20 октября, 09.00	38
2007 год	41
2007 год, 15 сентября	52
2007 год, 1 декабря	53
2007-й, 15 декабря	55
2007 год, 20 декабря	56
2008 год	57
2009 год	58
2010 год	67
2011 год	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юрий НИКИТИН ТРАНСЧЕЛОВЕК

Предисловие

Фантастика той тоталитарной эпохи руководствовалась двумя великими глупостями, что тогда выдавались за истину. Первая: робот – дура, человек – молодец, а вторая – бессмертие ужасно и омерзительно.

О роботах я никогда не писал, чувствовал фальшь в самой постановке вопроса, а на бессмертии крепко ожегся. Будучи бунтарем по натуре, с первых вещей принялся доказывать, что быть бессмертным – хорошо. И все мои работы на эту тему заворачивали взад. Эта несусветная дурь, как мне кажется, началась с некоего перса популярного произведения, бессмертного, одного из двенадцати бессмертных. Одиннадцать «разрушили себя», а этот вот остался жить и все никак не мог решиться помереть, ведь так надо, обязательно надо помереть, а он все никак не решится, хотя и жить не хочет таким вот всемогущим, бессмертным и не уничтожимым извне. Ах-ах, какой он несчастный, все дружно плюем в труса.

Не знаю как кто, но я сразу же ощутил, что вообще-то не прочь оказаться на месте этого «нештатного». И уж никак не стал бы страдать от своей бессмертности и завидовать обычным людям, счастье которых, оказывается, в том, что вскоре склеят ласты!

Увы, при культе личности в политике возникали культы, культики и культяшки во всех сферах деятельности. Все редакторы заученно твердили: переделайте концовку, чтобы ваш бессмертный раскаялся, передумал и отказался от бессмертия, признав его ошибочным. Тогда да, дорога будет открыта. Как и сотням другим. Кто читал тогдашнюю фантастику, вспомнит, как тогда мощно перли клоны, все одинаковые, как доски в заборе: бессмертие ужасно – герой кончает жизнь самоубийством, бессмертие ужасно – герой покончил с собой, бессмертие отвратительно – герой поспешно себя убивает...

Где сейчас те угодливые авторы?

НИКОГДА и НИКОМУ в те времена не удавалось сказать что-то в защиту бессмертия. К счастью, вся та система лжи и дурости рухнула вместе с политсистемой. А я наконец-то снова собрался для очередной попытки. Уже не рассказ или повесть, а в самом деле выношу на ваш суд крупную вещь. И не в стиле «Троих», хотя там тоже бессмертные, но «Трансчеловек» – совсем другой жанр, пока еще не существующий.

Назовем его когистикой, от *cogito* – мыслю, ибо чего уж скрывать, в массе своей традиционная фантастика, так сказать, бытовая. Хоть на страницах гремят галактические войны – это дамские романы для мужчин. Расшифровывать не буду, умные поймут, а мнение напыщенных дураков никогда в расчет не принимал, из-за чего в их среде всегда такой раздраженный вой при слове «Никитин».

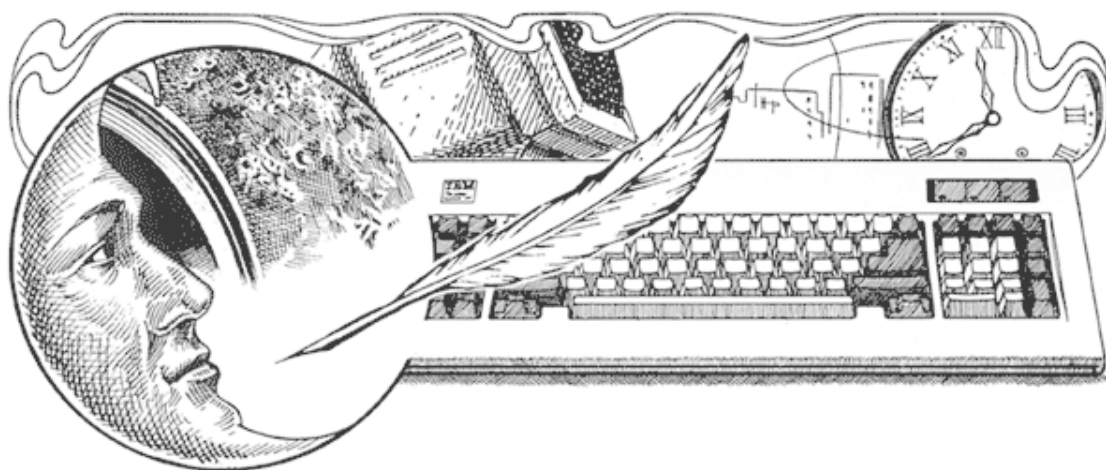
Да, я – когист. В крайнем случае – писатель-когист.

Почему когист и что за жанр когистика – узнаете, дочитав роман.

Ваш

Юрий НИКИТИН

Дискуссии по этому роману идут по прежнему адресу там же в Корчме.

2006 год, 30 мая, 18.00 по Гринвичу

Самое лучшее место в мире для отдыха отыскивается сразу, когда опускаешь голову на женские колени. Нежные заботливые руки чешут, гладят, выстригают волосы в ушах, а потом тонкие мизинчики копаются в ушных раковинах, вылавливая срезанные волоски. Несказанно балдежное чувство, как будто снова в утробе, не бывает наслаждения полнее или глубже.

Линдочка упорно протискивает между нами лобастую голову, усердно вертит хвостиком и пыхтит жалобно: и мне почешу, я ведь тоже ваша, почему меня не замечаете, мне же обидно!

Надо мной ойкнуло, мягкие ладони начали спихивать мою отяжелевшую голову.

– Уже шесть часов!.. А я еще не красилась!

– Успеешь, – запротестовал я. – Еще в носу подстриги...

– У тебя там не растут, – уличила Каролина. – Мал еще!

Она поднялась, моя голова расслабленно бухнулась на диван. Не поднимаясь, я смотрел, как Каролина в тревоге и недоумении выгибается перед зеркалом, но никак не рассмотрит спину и затылок. Потом села за трельяжный столик краситься, там жуткий набор всяких лаков, гелей, снимателей, соскребывателей, ножичков и пилочек, хитрых крючочков и прочих блестящих, как на столе хирурга, штучек, а я переполз на другой конец дивана, где меня ждет ноут одного заказчика.

Поломка хитрая, но я все настроил еще два дня тому, только придерживаю чуть, дабы самому насладиться мощным камнем, самой крутой видюхой, ОЗУ на два гига, новой системой охлаждения, из-за чего абсолютно не слышно, работает это чудо или нет.

С ходу вошел в Интернет, подключился к одной из онлайнowych, где скорость проца и мощь видеокарты многое решает, порубился малость, но уши автономно ловят передвижение Каролины. Слышу ее недовольное бурчание, что вот еще одна морщинка проступила, а тут как бы две старые замазать... Даже не глядя в ее сторону, чувствую, какой у нее процент готовности к выходу.

Потом бесконечно долго бурчала, что за зиму ужасно растолстела, ах-ах, ни одни джинсы не налезает, как жить, надо бы что-то такое съесть, чтобы похудеть, именно сейчас, чтобы к Голембовским уже худой и стройной, я лениво бурчал, что ничуть не растолстела, надо верить не зенкам своим, а напольным весам, джинсы сидят, как и сидели.

– Ничего не понимаешь, – пожаловалась она, – это провожают, как могут, а встречают по одежде!

– Женщина без недостатков, – сказал я ласково, – ценима куда больше, чем без одежды. Она насторожилась, красивые дуги бровей приподнялись на середину лба.

– Ты это к чему?

Я выключил комп, поднялся. Мне, чтобы одеться, достаточно вылезти из домашних тапочек и сунуть ноги в туфли. Прodelав все это, я обнял ее сзади, поцеловал в макушку, как раз на уровне моих губ, сказал ласково:

– Ты хоть и злобная, но я люблю тебя, зверушка.

– Это ты злобный!

– Нет ты. Ты с меня одеяло стаскивала.

– А ты лягался!

– Я? Да никогда в жизни! А вот ты...

Она вывернулась, снова принялась поправлять на бедрах джинсы, втягивать живот и приподниматься, так все женщины выглядят более стройными.

– Вот так и ходи, – подсказал я.

– Не могу! Только стоять, да и то недолго.

– Пойдем? – спросил я.

Не отвечая, она тщательно подкрашивала губы, вытягивая их трубочкой. Лицо очень серьезное, сосредоточенное, будто делает сложнейшую операцию на мозге, даже не дышит, а когда оторвала от губ эту липкую красную палочку, сосредоточенно пошлепала ими, разминая комья и заделывая микроскопические щели, подвигала во все стороны, то сжимая в старческий жемок, то растягивая.

– Готова, – сообщила она. – Видишь, как быстро?

– Вижу, – ответил я и снова чмокнул ее в макушку. – Пойдем, не люблю опаздывать.

– Женщине прилично опоздать на четверть часа!

– Зато неприлично мужчине, – возразил я. – А по нам определяют, кто в доме главный.

– Определяют, – отпарировала она, – насколько ты добрый! Уступчивый. А если вовремя, значит – зверь, садюга, железный кулак. Был бы меня смертным боем, тиранишь...

На выходе из подъезда солнце ударило в глаза с такой силой, что Каролина ойкнула и поспешно надела большие, на пол-лица, очки: нет морщинкам у глаз. Люди впереди почему-то сходят с тротуара, обходят по проезжей, рискуя угодить под автомобили. Каролина испуганно ухватила меня за руку. Посреди тротуара в желто-зеленой луже барахтается, пытаюсь подняться, вдрызг пьяный мужик в рваной одежде. Небритый, слюни и сопли выползают толстыми зелеными гусеницами, глупо улыбается, а второй, такой же, но чуть трезвее, пытается поднять дружка, то и дело падает, стучается распухшей мордой об асфальт, пачкается в этой грязи... что вовсе не грязь, а то, что выползает из их промокших отяжелевших штанов, заполняя воздух удушливой вонью.

У первого кровь на брови, на затылке слиплись волосы, будто крашенные, у второго ссадины на морде, на локтях, на кулаках. Первый громко и дико заорал похабную песню, всю из мата, второй хихикал и снова тянул его то за руку, то за плечо, уговаривал встать и пойти к Маньке, которую поставят на четыре кости...

Тротуар подле домов узок за счет расширенной дороги для машин, мы с Каролиной тоже соступили на проезжую часть. Тротуар залит жидким дерьмом на всю ширину, от обоих пахнет густой вонью застоявшейся мочи, блевотины и чего-то омерзительно кислого. Каролина побледнела, едва сдерживает тошноту. Первый хрипло вопил похабщину, второй увидел нас и заорал:

– Люди!.. Помогите!.. Помогите поднять Ваську...

Мы поспешно огибали их по проезжей части дороги, сзади раздраженно гуднула машина. Пьяный орал все громче:

– Люди!.. Вы же хрестьяне?.. Помогите... ха-ха... поднять... гыгы... поднять... мать-перемать...

Мы торопливо выскочили снова на асфальт, сердце мое колотится, кровь бросилась в голову. Не выношу, когда грязный мат направлен на женщин, а он весь попадает в них, если женщины слышат.

За спиной еще долго раздавались пьяные вопли: то дикарски ликующие, то гневные, все перемежается матом, а волна омерзительной вонии догоняла нас с порывами ветерка еще несколько раз. Уж и не знаю, чем можно так обосраться, что за дерьмо пропитало штаны и вытекло на тротуар, залив до самого бордюра. Эти двое не сидят на диете, как проклинаемые ими миллионеры, что вкалывают с утра до вечера...

Каролина часто дышала, я ускорил шаг, наконец дом величаво повернулся и, как могучий ледник, отрезал от того мира. Двое дворников в оранжевых, словно революционеры из Украины, комбинезонах старательно собирают мусор, у нас не принято бросать его в урну, хотя та в двух шагах, проехала поливальная машина, тугие струи сбили грязь с проезжей части, грязная вода побежала под бордюром.

На этой стороне дома просторная стоянка, правда, по праву самозахвата: владельцев машин оказалось больше, чем любителей сокращать дорогу через газон, так что все наши

машины здесь. Я работаю простым ремонтником бытовой техники, но на «Тойоту» хватило. Я отыскал ее взглядом в тесном ряду припаркованных на газоне машин. Подержанная, с левым рулем, зато всего за тысячу баксов, в то время как новенькие отечественные вдвое дороже, а качество почти то же.

Я старался думать о том, куда едем, но в душе поднимается жестокое, мстительное: убивал бы! Убивал бы всю эту мразь, которую мы, оказывается, по своей гуманности должны всякий раз вытаскивать из дерьма, обмывать и снова выпускать на улицу, чтобы они снова срали, били стекла, ломали все, что можно испортить, воровали, травились наркотиками и приучали к наркотикам школьников...

Каролина взглянула с испугом, ее пальцы тряхнули меня за руку.

– Успокойся!.. Весь горишь. Что делать, Россия в самом деле спивается, это не газеты придумали...

Я прошипел зло:

– Да и хрен с нею! Пусть спивается. Пусть подыхает... та Россия! А мы с тобой – разве не Россия? Мы ж не спиваемся!

Она прижалась ко мне, успокаивая, заставляя расслабить застывшие, как камень, мускулы. В голове стучит злое: хрен с нею, с той Россией. Пустьдохнет такая Россия. Я ей даже помогу хорошим ударом по голове, чтобы сдыхала быстрее. Но околет та Россия, пьяная и обосранная, барахтающаяся в собственной блевотине. Останется та, что работает, трудится, учится, карабкается к знаниям, приобретает вторую специальность. Останется трезвая, сильная, цепкая, живучая.

И пусть лучше половина России вымрет, захлебнувшись собственным дерьмом, чем будет им же пачкать вторую, а эта вторая, вместо того чтобы учиться и работать, будет то и дело вытаскивать из дерьма первую, обмывать, лечить, одевать в чистое и спешно ремонтировать выбитые стекла, поломанные лифты...

Перед машиной Каролина нарочито замедлила шаг, чтобы я успел зайти с ее стороны и открыть для нее дверцу. Ерунда, конечно, сама умеет пользоваться и передними и задними клешнями, но мне нравится оказывать подобные знаки внимания, а она, хоть и современная женщина, не поднимает крик о мужском шовинизме, принимает с милой, благодарной и очень женственной улыбкой.

Машина стронулась с места, я перевел дыхание: что так завелся, почти каждый день вижу какую-нибудь пьяную мразь, она ж везде, но вместо того чтобы убивать их на месте, Госдума решает, где построить новые корпуса больниц «для реабилитации». Перевел дыхание, традиционно спросил, какой дорогой поедет, Каролина так же привычно ответила, что мне виднее, где в это время могут быть пробки. Я вырулил на шоссе, движение не слишком, перестроился в левый ряд и погнал, стараясь приноровиться к «зеленой волне» светофоров.

Голембовские, как и мы с Каролиной, купили квартиру, а не «получили», купили на свои заработанные, это теперь предмет гордости и сдержанной похвалы не только у такой молодежи, как мы, но и вообще. После торопливого ремонта обставили недорогой, но хорошо сделанной мебелью, импортной, кстати, теперь созывают гостей и всем бахвалятся успехами. Жена Голембовского, Жанна, предупредила, что у них все еще кое-как и на белую нитку, но ведь ремонт невозможно закончить, можно только прекратить, так что ждем-с, ждем-с!

По дороге остановились купить шампанского, конфет и цветов, я изныл, пока Каролина перебирала цветы и вместо того, чтобы купить готовый букет, вместе с продавщицей начала составлять из отдельных цветков что-то новое, как будто эти пучки цветов чем-то разнятся, кроме цены! Продавщица даже не удивилась такой дури, подбирает один к другому вместе с Каролиной, щебечут что-то на своем птичьем языке, а я, как раздраженный осьминог, покрывался цветными пятнами, переминался с ноги на ногу. Идущие мимо мужчины бросали на меня понимающе-сочувствующие взгляды.

2006 год, 30 мая, 18.40 по Гринвичу

У дома Голембовских дорогу перегородил неопрятный грузовик. С него снимают мешки с цементом, с другой стороны задним бортом подогнали трейлер, джиге грузчики стаскивают мебель.

Один лифт постоянно занят, ремонтники норовят захватить и второй под свои нужды, но жильцы чуть ли не охрану выставили: один лифт только для жильцов, мы с немалыми трудностями поднялись на двадцатый этаж, на захлавленной площадке в одном углу куча пустых ящиков и упаковки от мебели, в другом – двери и окна, которые жильцы заменили на что-то лучшее..

Голембовский открыл по первому звонку, радостно улыбающийся, с силой пожал мне руку, у него это пунктик, Жанна выскочила навстречу и расцеловалась с Каролиной, в то же время ревниво и молниеносно осмотрели друг друга, не переставая щебетать и улыбаться.

В прихожую, пока мы переобувались в домашние тапочки, вышел Коля, наш общий приятель, румяный и улыбающийся, в своих вечных десантных штанах, пошел ко мне с протянутой издали рукой, как Брежнев в кинохронике. Несмотря на свои тридцать лет, он все еще для всех Коля, хотя вот Голембовский еще со школьной скамьи Аркадий, и даже для жены – Аркадий, но никогда – Аркаша.

– Привет, – сказал Коля жизнерадостно и постарался посильнее пожать мне пальцы. – Как дела?.. Каролиночка, вы оба выглядите просто чудесно. А мы тут вчера малость дернули... Не помню, как и домой добрался. Морда сильно помятая?

– Да нет, нормально, – отмахнулся я.

– Брешешь, – сказал он обрадованно. – А глаза красные?

– Чутьочку, – ответил я, чтобы сделать ему приятное, хотя глаза совсем не красные. – Самую малость.

– Вот видишь, – сказал он ликующе. – Это у меня здоровье железное! Другого бы свалило. Пойдем, пока дамы поболтают, дернем по рюмочке красного...

– Не хочу, – ответил я.

Он удивился.

– Почему?

– Мне хватит, когда за стол сядем.

– А я винца всегда готов лишний стаканчик, – сказал он с оптимизмом. – Красное вино полезно для здоровья! А здоровье нужно, чтобы жрать водку. Кстати, почему таблетки пьют, а водку жрут?

Он похотывал, мы прошли в большую комнату, навстречу поднялись Леонид и Михаил, обменялись со мной вялым рукопожатием. У Михаила – усы, роскошные хвастливые, а у Леонида – бакенбарды. Я с ними держусь вежливо, но друзьями никогда не станем: не считаю полноценными тех мужчин, кто вот так печется о внешности. Такие усы не сами по себе вырастают: их надо холить, выращивать, ухаживать, лелеять, всякий раз перед зеркалом накручивать кончики то так, то эдак, а выбривать осторожненько вокруг, стараясь не зацепить лишнюю волосинку. Словом, в нынешней заботе мужчин о внешности есть нечто педерастическое, недаром же так быстро растет число этих извращенцев.

По мне, что педерасты, что усачи с бородачками – одно и то же.

Их жены, Настя и Марина, вполне нормальные быстро полнеющие клухи, домовитые и хозяйственные, таким не до перверсий. Хотя Настя совсем ребенок – семнадцать лет, а пампушка, что будет дальше? Хотя, кто знает, чему обучатся с такими орлами-гедонистами. Еще в комнате Юлиан, рослый молодой мужчина в малиновом пиджаке, с комплексом Дон Жуана, как деловито сообщил мне Коля, школьный приятель Аркадия и Михаила. Он не понравился

мне тем, что сразу начал раздевать Каролину глазами, а я ему, понятно, тем, что раздеваю ее как раз не глазами.

Юлиан суховато поклонился мне издали, но вылезать из-за стола не стал. Коля притащил стул и, подсев к Каролине, начал с жаром рассказывать про новые возможности, которые открыл в байме «Sims-2». Посыпались словечки насчет текстур, скинов, модов, оба с горящими глазами рассказывали, как устраивают личную жизнь персонажей, чтобы те не ссорились, продвигались по службе и были счастливы, я тихонько отсел к Аркадию, хозяину квартиры, где мы регулярно устраиваем тусовки.

Он посмотрел веселыми глазами.

– Знаешь, уже и Леонид начал спрашивать у Каролины, как проходить ту или иную байму. Как она помнит все закоулки и где какой ключик? Тебе все мужики завидуют!

– Не знаю, – ответил я, – я ни во что не играю, кроме тетриса или чего-нибудь простенького. Мне всегда времени не хватает!

– И мне, – вздохнул он, – а она у тебя и первая все баймы проходит, и работать успевает... Давай, пока все соберутся, по глотку красного?

– Без меня, – ответил я. – За рулем, увы.

На балкон вышел Михаил, я пошел к нему, но когда оглянулся, бокал перед Аркадием все так же пуст, а он сам с видом знатока внимательно изучает этикетку.

Со стороны кухни раздался веселый голос Жанны:

– Мужчины!.. К столу, к столу. Настя, Марина, загоняйте их сюда. Что они там разбрелись?

Каролина бросила на меня победоносный взгляд, мы чувствуем некоторое превосходство – уже понимаем, что это глуповато: все встречи, праздники и мероприятия отмечать обязательно обильной едой и такой же выпивкой. Что было хорошо в голодном мире наших прадедов, как уже не совсем, не совсем в нашем изобильном мире.

Стол в самом деле ломится от жареного и пареного, обязательного оливье, мы все начали по одному устраиваться на треугольном диванчике. Кухня не предрасполагает к приему гостей, но в России традиционно встречаются на кухне, а спорить против традиций себе дороже. Коля сел первым и с видом знатока начинает откупоривать бутылку. Стул возле него пуст, Настя перехватила подсказывающий взгляд хозяйки, передвинулась, заставив пересесть и мужа, а Коля, сдирая фольгу, начал запальчиво и подробно рассказывать, что он бросил Эвелину, что она вовсе не была ему невестой, что это была всего лишь легкая интрижка, он сам в ней разочаровался и бросил.

Рассказывал слишком подробно, с жаром. Его слушали, кивали, отводили глаза. Я подумал с неловкостью, что слишком силен этот инстинкт в нас... или не инстинкт, а как его правильно назвать, ну это чувство, когда панически страшишься, что женщина тебя оставит, в этом как будто нечто ужасно позорное, и потому стараешься оставить ее первым. Я замечал это с самой ранней подростковой, когда только начинаем встречаться с одноклассницами, у одних проходит быстро, у кого-то остается на всю жизнь.

Помню, одно время по всем каналам крутили арию герцога из «Риголетто», где этот хлыщ распевает, как эти красавицы в любви вечно клянутся, но оставляют так же шутя, так же шутя, но, мол, я – сама круть, «...оставляю их раньше я, но оставляю их раньше я!», и мы все, слушавшие, облегченно вздыхаем: ага, он оставил их на секунду раньше, так что все в порядке, честь спасена, он не опозорен.

Я, наверное, урод, но при неизбежных расставаниях я всегда предпочитал, чтобы инициатором оставалась или выглядела женщина. Во-первых, так просто благороднее: брошенная женщина всегда выглядит несколько униженно, во-вторых, я сам выгляжу достойнее, ибо, глядя на меня, начинают говорить: да что это она перебирает, как свинья в апельсинах, ведь хороший же парень...

В глазах других женщин у меня, как у брошенного, в таких случаях рейтинг не ниже, а выше, чего не понимает Коля со своим детским самоутверждением.

Шампанское хлопнуло, пробка ударилась в потолок. Что ж, это в приличных домах так не делают, но в кабаках, где гуляют пьяные купчики, которые хотят, чтобы все видели, как они гуляют, это хлопанье пробками – обязательно, я снова ощутил тепло руки Каролины. Мы уже знаем, что хлопать пробками – неприлично, и уже так не делаем. Вот уже месяц.

Жанна хозяйским взором оглядывает стол. Тарелки с холодным мясом, с горячим, мясные салаты, жирная рыба, белый хлеб, множество бутылок дешевого вина, две водки – на любителей, одна – шампанского, это мы принесли, играя роль эстетов.

Каролина несколько замялась, прежде чем опуститься на лавку, осторожно расстегнула верхнюю пуговицу на джинсах, тонкие пальцы тронули «молнию», только после этого присела. Я смолчал, остальные посматривали с понимающими улыбками, многие женщины ходят в таких обтягивающих джинсах, что даже сидеть не могут, а Каролина, неловко улыбнувшись, сказала извиняющимся тоном:

– Жаночка, это не то, что ты подумала...

Она понимающе промолчала, я спросил:

– А что надо было подумать?

– Я сделала пирсинг, – ответила она тем же виноватым тоном. – Но еще побаливает, когда поясом жмет.

Все заинтересованно вытянули шеи. Я удивился:

– На пузе?.. Покажи!

Она снова встала, приподняла маечку. Блеснули два черных шарика в районе пупка: верхний помельче, нижний крупнее. Кожа вокруг обоих покраснела, даже припухла.

– Круто, – сказал я искренне. – А почему черные? У других я видел такие блестящие...

– Временные! Так всегда делается. Потом поставлю настоящие. Тебе в самом деле нравится?

Она смотрела с такой надеждой, что у меня защемило в груди.

– Очень, – сказал я искренне. – Ты молодец. У тебя такой чудный животик! Потеплеет, будешь ходить только в топе.

Она с неловкостью улыбнулась и вновь села...

– Чудный... скажешь такое. Я все толстею! Только и надежды, что теперь поневоле худеть и фитнесь вдвое больше.

Женщины посматривали с завистью, а Настя, моложе Каролины на пятнадцать лет, но быстро толстеющая, взглянула с откровенной злостью. Да и все женщины поглядывают очень уж испытующе, Каролина как белый лебедь среди крупных невзрачных гусынь. Даже Жанна, на что уж общаемся постоянно и тесно, то и дело косится на Каролину с тем же немим вопросом: как ухитряешься с парнем, моложе тебя на восемь лет?

Я сделал вид, что поглощен разливанием вина по фужерам. Абсолютное большинство мужчин, которые вот так с женщинами старше себя, – люди зажатые, закомплексованные, не в состоянии легко общаться со сверстницами. У тех слишком высокие требования, всегда могут сравнить с N или D, с которыми трахались вчера, потому зажатенькие мужчинки трусливо предпочитают женщин как бы второго сорта, а то и третьего, у которых требования к партнеру поневоле ниже.

Я это знаю, но плохо то, что знает и Каролина, постоянно ищет во мне то зажатость, то трусость, то неполноценность, а я не умею убедить, что просто люблю ее, что она в свои тридцать два года в сто тысяч раз лучше этого стада одинаковых семнадцатилетних телок, веселых и скачущих по дискотекам, с еще не расплывшимися в горы мяса фигурами, но внутри уже коровами, даже коровищами, которыми станут пугающе скоро.

Выпили за встречу, некоторое время закусывали: в России, в основном, не еда, а закуска, потом по второй, разговоры пошли чуть раскованнее, все мы привычно поглядываем на телевизор – неперменный участник любого застолья. У Голембовских обновка: осточертевший громоздкий ящик заменили жидкокристаллическим экраном. Правда, всего пятнадцать дюймов, но все-таки входящий в моду панельный LCD. Не случайно присобачили на стену. Конечно, как картину, не повесишь: задняя стенка должна отводить тепло, потому такой нелепый с виду зазор между стеной и задней панелью, но все равно и шаг вперед, и бахвальство достатком.

Изображение даже четче, чем у нашего, но у меня с наибольшей на рынке диагональю – девятнадцать дюймов, так что я скромно молчу, а Коля сразу завелся, завопил с гневом и возмущением:

– Вы посмотрите, что показывают! Что показывают, а? И это телевидение!.. Кладбище для собак! Собак хоронят, как баронов: а еще и памятники из мрамора им ставят!.. Тьфу, до чего мир докатился!..

– Это верно, – согласился Леонид. – Раньше про человека говорили, мол, похоронили, как собаку, а здесь собаку хоронят, как знатное лицо. Это самое VIP, да?

– Да уж, – подтвердил Михаил. – Эта самая VIP-персона.

Я тоже привычно кивнул, изобразил возмущение. Очень часто и сам замечаю, что лучший кусок так и тянет отдать собаке, какие у нее глаза, это ж подавиться можно, если не отдать, смотрит молча, с укором: ты большой, а я маленькая, вот сижу и смотрю на тебя, а тебе не стыдно, да? Но совсем перехлест, когда люди мрут в канавах, а собак кормят красной рыбой и покупают им лежанки, на которые и королева не отказалась бы опустить зад. Хотя с другой стороны, пусть мрут. Мы с Каролиной только что видели таких, которых мы якобы обязаны перевоспитывать, лечить, обирать с них блох и вытирать им слюни.

Аркадий, наливая себе в граненый стакан водочки, сказал с недоброй ухмылкой:

– Больные люди так делают. У кого желудки здоровые, те знают, куда лишние деньги истратить!

Он ухмыльнулся, налил и Коле. Хотел долить Насте, но та покачала головой и указала взглядом на бутылку с портвейном. Коля кивнул понимающе, взял бутылку и налил ей красненького.

А те, хотел было поинтересоваться я, кто зарабатывает больше, чем сумеет пропить? Это для нас зарплата в триста долларов – предел, а если человек получает тысячу, десять тысяч или даже сто? Если станет пить самое дорогое коллекционное вино, и тогда не пропьет. Но все равно, разве можно хоронить любимую собачку вот так пышно? Или же лучше истратить на этих, которые мрут в канавах?

Я представил себе, как милосердный миллионер раздает деньги этим бомжам, как они на радостях бегут в магазин, покупают водки столько, что упиваются вусмерть, кое-кто вообще не отходит, пьет, пока не околеет... нет, тоже хреново.

Марина, накладывая салат, восхитилась:

– Жаночка, какой вкусный салат, дорогая! Сама купила?

– Конечно! – ответила Жанна с милой улыбкой. – Жена должна уметь готовить мужа, а не салат.

Марина всплеснула пухлыми ручками:

– Что может сделать женщина из ничего? Прическу, салатик и трагедию. Ты настоящая женщина, Жаночка!

– Нет такой еды – салат, – объяснила Жанна и взглядом указала на Колю. – Есть такая закуска.

Марина тоже посмотрела на бравого Колю и сказала заботливо:

– Жаночка, Коле салатик надо подстелить помягче...

– Сделаю, – пообещала Жанна, – хотя в прошлый раз он поцарапал морду лица не моим салатом.

– А чем?

– Похоже на следы от твоей брошки...

Это у них дружеская разминка, уже и женщины приняли манеру «небритого героя».

Аркадий, поглядывая на экран одним глазом, взял пульт и начал щелкать по каналам, но везде как раз показывают взорванный террористами кинотеатр, где погибло двести зрителей. К счастью, среди погибших российских граждан нет. На разных каналах идут свои репортажи, но все ликующе подчеркивают, что среди погибших нет россиян. За столом это приняли с чувством глубокого удовлетворения, только я тихонько шепнул Каролине:

– Прекрасный комментарий. А остальные, дескать, пусть гибнут, не жалко!

Каролина улыбнулась, Леонид услышал, поморщился.

– Ну что ты такое говоришь?

– Это не я, – пояснил я, – это по телевидению говорят!

– Там говорят, что среди погибших наших нет.

– А остальные – не наши? Остальные пусть гибнут?

Леонид поморщился сильнее.

– Ну что ты к словам цепляешься!.. на самом деле, конечно, имеют в виду не это. Но, правда, своих жалко больше, чем чужих, это ж понятно...

– Конечно, понятно, – согласился я.

Каролина грустно улыбнулась, что-то в нас есть такое, что смотрим эти передачи с удовольствием, наблюдаем, как вытаскивают залитого кровью человека из-под развалин, а сами продолжаем накладывать на тарелку мясной салат. Кто-то из биологии еще помнит, что вообще-то мы один биологический вид, но все равно – приятно видеть, как там гибнут, а мы раскрываем очередную бутылку шампанского и накладываем новую порцию жареного мяса.

Коля поднялся с наполненной рюмкой.

– Дайте мне точку опоры, – заявил он, – и я произнесу тост. Все мы знаем, что в вине мудрость, в пиве сила, в воде – бактерии! Вообще все беды от водки. В лучшем случае – от коньяка. Но не водкой единой пьян человек, наши девочки вообще водку не уважают, так что на столе ее почти нет... ну почти, почти, значит, она ценится выше.

Леонид сказал с неудовольствием:

– Ты прям как грузинский тамада!

– Верно, – ответил Коля, – закругляюсь. Так выпьем же...

– ...за то, что собрались, – закончил Леонид.

– Прекрасный тост, – одобрил Коля. – На жизнь надо смотреть проще.

– И она ответит тебе тем же, – поддакнул Леонид так искренне, что Коля ничего не заподозрил. – Ты прав, мужчине нужна жена, потому что не все в жизни можно свалить на правительство.

Коля застыл с раскрытым ртом, стараясь вспомнить, когда же он такое говорил, но Леонид посмотрел на него честными глазами человека, который никогда не врет, осушил рюмку и принялся перетаскивать на свою тарелку аккуратно нарезанные ломтики селедки.

Коля опрокинул рюмку с недопитым красным вином, по белой скатерти торжествующе расплылось красное вино. Все закричали, что к счастью, к счастью, Настена посоветовала посыпать солью, а Леонид с усмешечкой сказал, что «Тайд» и это отстирает. Потом, когда прошли по третьей, у Михаила с вилки соскочил ломтик жирной селедки, он тут же снова подцепил на зубья, но на скатерти осталось жирное желтое пятно.

Коля таскал на свою тарелку разноцветные ломти: розовой буженины, красной форели, белые – сала, непонятно зачем, щедро посыпал солью и перцем, затем рука привычно цапнула бутылку с водкой, как-то машинально налил рюмку до краев. Одним глазом посматривал на

работающий телевизор, там раскручивают кампанию по распродаже четвертых пней в преддверии прихода шестидесятичетырехбитной платформы, цены снижены, красотки в купальниках предлагают в рассрочку и кредит, все без процента, почти халява, так что налетайте, братцы!

– Надо купить, – сказал Леонид солидно. – Рекомендую! Я как только приобрел, сразу же пару сот книг скачал!

– Так за скачивание же надо платить, – возразил Михаил. – Разве не так?

– Я скачивал по локалке, – объяснил Леонид.

– А разница есть?

– Во-первых, выложили пираты. Во-вторых, за локалку не платят, хоть гигабайты перекачивай!.. Я уже два фильма оттуда утянул.

Коля заговорил рассудительно:

– Фильм – еще понимаю, но как эти чудачки читают с экрана?.. Это вообще уроды. Разве что-то может заменить чтение лежа на диване обыкновенной книжки, когда шелестят страницы, когда переворачиваешь, а не скроллируешь, когда можешь вернуться и заглянуть на пару страниц взад?

Михаил молча чокнулся с ним, дружно выпили. Леонид лишь презрительно усмехнулся, мне почудилось, что не спорит только из вежливости. Сам он, знаю, читает с экрана ноута, и шрифт выставляет, и размер страницы, да и перелистывать на пару страниц взад умеет, не говоря уже о том, что на одной флешке может возить с собой в нагрудном кармашке десяток тысяч книг.

Вообще мы все соглашаемся, что техника – зло, хотя никто и не подумает отказаться от бытовой техники и перебраться жить в пещеры или хотя бы в палатку, соглашаемся, что лекарства из трав лучше, чем синтетические, соглашаемся, что надо пить и есть все, здоровьем пусть дорожат трусы, а мы – лихие, крутые, бесшабашные и безбашенные...

– Я тоже читаю с экрана, – заявила Настена, она самоотверженно поддерживает мужа в любом случае, даже если не понимает, о чем он говорит. – Это прогрессивно!

Жанна сказала с неудовольствием:

– Пусть прогрессивно, но как неудобно!.. Согласись-ка!

– От согласиськи слышу! – радостно отпаривала Настена.

Стук вилок и ножей, сплетающиеся в паутину голоса, слушая которые начинаешь пьянеть еще до того, как алкоголь поступит в кровь. Воздух незаметно разогревается от множества горячих тел, запах пота начинает пробиваться сквозь все завесы дезодорантов, причудливо смешивается с ароматами жареного мяса.

Первые блюда опустели, Жанна пробовала усиленно впихивать горячее. Хозяйка больше всего страшатся, что гости вдруг да не ужрут, это же такой позор, и даже вот такие трепетные интеллигенты, как Аркадий, и то не могут вырваться из этой ловушки, но я в этой компании единственный неинтеллигент, поднялся и сказал, что жутко хочу курить, так что извините, отлучусь на балкон.

За мной с явным облегчением потянулись мужчины, весь вечер просиживать за обильно накрытым столом чуточку нелепо. Если бы наши родители, а еще лучше, бабушки и дедушки, вот так же отмечали праздники – это понятно: им уже не до танцев, да и все еще стараются отъесться хоть теперь за все голодное детство.

Юлиан во время сидения за столом все посматривал на Каролину, я видел, как выпячивает грудь, делает то умный вид, то весьма томный, то вскользь упоминает, что он уже в одном шаге от должности старшего менеджера, это такие возможности, такие возможности, особенно корпоративные льготы, но Каролина лишь улыбалась вежливо, однако продолжала разговор с Аркадием и Жанной.

Во время перекура, после которого снова надо будет за стол, Юлиан подошел красивый и наглый, в руках по фужеру вина, один вручил мне, поинтересовался весело:

– Правда, что только упорный, каждодневный труд может сделать из обезьяны слесаря-ремонтника шестого разряда?

– Не знаю, – ответил я очень вежливо. – У меня пятый.

Он приятно удивился:

– Пятый? А что ж так низко?

– Со старшими менеджерами надо было банку раздавить, – объяснил я. – А я пью только с теми, с кем изволю.

Его лицо напряглось, когда я посмотрел ему в глаза и выплеснул содержимое фужера прямо с балкона. Все говорят, что у меня недостаточно интеллигентное лицо, то есть что думаю, то на нем и проступает крупными буквами, Юлиан пробормотал что-то и попятился, кто знает этих слесарей-ремонтников, вдруг и его того, вслед за красным вином, а квартира на двадцатом этаже...

Леонид, вот уж не ожидал, сказал вдруг, что это мы, как старичье, только за столом и за столом, посидим хоть в большой комнате, Жанна так ее украсила, грех не похвалить, и мы с большим облегчением расселись на диване и в креслах. Настена и Марина, поглядывая на Каролину, завели громкий спор насчет ботулакса, вживления золотых нитей, силикона, подтяжек, а так как Каролина не среагировала, перешли на обсуждение сенсации насчет стволовых клеток. Уже, вроде бы, их выращивание вот-вот удешевят настолько, что один укол стоить будет не больше годовой зарплаты. Всего нужно пять-семь, так что можно собирать денежки на будущее, ведь морщин не миновать, а любая женщина все с себя отдаст, только бы помолодеть хоть чуточку...

Я слушал, посматривал на раскрасневшиеся лица наших добропорядочных жен. Обе хоть и спорят, но обе доказывают друг другу, как хороши стволовые клетки, как они спасут их внешности, преобразят, улучшат здоровье, фигуры... Я вообще-то сам считаю, что стволовые клетки – круто, о них весь мир в лапти звонит, но вот посмотрел на этих и уже начинаю сомневаться. Бывает так, что достаточно посмотреть на своего соратника, послушать, после чего начинаешь думать: а не дурак ли я?

Если хорошенько пошевелить мозгами, то все надежды на чудодейственные стволовые клетки прут от нашей тайной неприязни к машинам, к технике. Мы даже лекарства делим на синтетические и «натуральные», хотя козе понятно, что ну не могут травяные настои неграмотной бабы Матрены или каких-то дохлых китайских императоров – не один ли хрен, конкурировать по лечебным свойствам с разработками суперсовременной химии. Но мы, как пещерные люди, предпочитаем «натуральные».

Какие стволовые клетки, они ведь тоже из такого же дерьма, как и мы сами. Что они могут: ну чуточку омолодить, ну даже очень омолодить, но это и все, а вот стремительно развивающиеся технологии уже сейчас поражают мир чудесами. Вот сейчас, когда смотрю на Жанну и Настену, яснее ясного становится, что если они в восторге, то явно какая-то дрянь или же полный тупик.

2006 год, 30 мая, 19.35 по Гринвичу

Супруги Каневские пришли, как всегда, с опозданием. Яркие, праздничные, поглядывающие на все и на всех свысока, оба белозубые, статные, только Анатолий располнел еще больше. Альбина тоже прибавила в формах, но ей идет: пышные груди вылезают из низкого выреза, круп широк и приподнят, губы стали толще и сексуальнее, как раз тот случай, когда хорошего человека чем больше, тем лучше.

Пока они расцеловывались в прихожей с хозяйкой, Леонид вылез из-за стола, Коля заметил вдогонку:

– Что-то часто пользуешься туалетом... Хоть одно дерево посадил?

Сам он, однако, тоже выбрался навстречу Каневским, галантно поцеловал Альбине ручку, воскликнул потрясенно:

– Альбина, где это ты так загорела?... А где не загорела?

Еще через четверть часика раздался звонок в дверь, Аркадий поспешно выбрался из за стола.

– Наша Светлана!.. Узнаю, узнаю...

Светлана, рослая блондинка с роскошной копной волос и в маечке, что открывает литые загорелые плечи и плоский живот, вошла с ослепительной улыбкой, ослепительно красивая, как фотомоделка, прямоспинная, с высокой грудью и дивной тонкой талией – работа инструктором в шейпинг-центре обязывает и самой быть картинкой, иначе народ не станет ломиться в такую группу. С улыбкой позволила обнять себя Аркадию, шаловливо коснувшись безлифчиковой грудью, расцеловалась с Жанной, всех-всех одарила сияющей улыбкой безукоризненно ровных и белых зубов.

Мужчины начали двигать задницами, ужимая жен, но Светлана под села к Каролине, ее лучшей подруге.

– Что опаздываешь, – упрекнула Каролина, – все вкусное съели!

– Прекрасно, – откликнулась Светлана с энтузиазмом. – Меньше придется сбрасывать.

– Все калории высчитываешь, – упрекнула Каролина.

– Работа такая, – вздохнула Светлана, но в ее голосе смирение было пуще гордыни, мы переглянулись понимающе. – Такая я нищасная...

Каролина хихикнула, только у нас троих работа совпала с хобби: Светлана в любом случае изнуряла бы себя на тренажерах, мне нравится зарабатывать ремонтом видеомagneтофонов, телевизоров и компьютеров – я вообще обожаю сложную технику, а Каролина еще со школьной скамьи грезилась тайнами Вселенной, а теперь вот получает зарплату как сотрудник Центра астрономических вычислений.

Я невольно скользнул взглядом по остальным за столом: все пашут только из-за жалования, все клянут работу и ждут не дождутся лета, чтобы на юга, и только нам троим повезло, безумно повезло. Специалисты говорят, что если изобилие для всех, то лишь один из тысячи продолжил бы работу, остальные тут же оставили бы свои осточертевшие конторы и предприятия.

Светлана и Каролина поклевали одну дольку торта, причем обе старались отгрести жирную часть друг другу, и выковыривали сухие кусочки, Коля поднялся с фужером в руке.

– Дорогие... гм... товарищи! Вот читал я Пушкина, «Выпьем с горя! Где же кружка?», и понял, что он так и остался то ли негром, то еще кем-то непонятным, но русским стать не сумел. Ну кого из нас, если хотим выпить, тем более – с горя, интересует местонахождение какой-то там кружки? Вон Леонид вообще собирается из горла...

Леонид обиделся:

– Я же пиво! Пиво – можно.

Коля сказал поощрительно:

– Да все можно. Алкоголь нужно принимать таким, какой он есть. А вообще ты прав: где пиво – там и Родина! Сам знаешь, когда водка заканчивается, закуска становится просто едой, а разве мы такое кощунство допустим? Там выпьем же за...

Каролина слушала с таким интересом, будто в самом деле восторгается его речами, потом я сообразил, что она смотрит с симпатией на самого Колю: в самом деле хорош и колоритен, душа нараспашку и сердце на рукаве, добрый и отзывчивый, все его слабости на виду, да он и не слишком скрывает, даже бравирует ими. В наше закомплексованное время и в нашем сложившемся кружке общения, где комплекс на комплексе, он выгодно отличается дикарской чистотой и открытостью.

Все с разной степенью энтузиазма выпили, а мне вот нельзя – за рулем, как удобно. Сделав вид, что покидаю стол ради облегчения кишечника, иначе будут обижаться, вышел в другую комнату, а оттуда на балкон. Майский вечер теплый, небо окрасилось в нежные алые цвета, облака застыли, потемнели, с востока идет плотная темнеющая синева, а на западе еще догорает закат, прижимаясь к земле, небосвод над ним почему-то светло-зеленый, почти прозрачный, а в самой выси вообще что-то невообразимое...

Сзади простучали каблучки, пахло знакомым ароматом. Каролина подошла свежая, сунула мне под майку холодные ладошки, явно минуту назад из-под ледяной струи.

– Ага, страшно?

– Брысь отсюда, жаба! – заорал я, но она хихикала и грела лапы, пока не услышала сзади голоса, убрала руки и сделала вид благовоспитанной девочки.

В комнату, где мы стояли на балконе, вошли Леонид и Михаил с женами, заскрипел диван под их грузными раскормленными телами, а мы смотрели на высокие дома, где в окнах начинают загораться огни, на машины, что одна за другой включают фары, очень красиво, когда по одной стороне дороги идут с желтыми огнями, по другой – удаляются с красными.

На балкон вышла Светлана, красноватый свет заиграл на литых плечах.

– Каролиночка, ты не будешь очень против, если я уведу твоего... дружка потанцевать?

– Сделай одолжение, – ответила Каролина легко, – научишь танцевать, спасибо скажу.

Светлана протянула мне руку, я помотал головой.

– Из меня танцор, – объяснил я, – как из... ладно, смолчу. Ты знаешь.

– Когда медленно танцуешь, – объяснила она с лукавой улыбочкой, – ничего не мешает...

– Каждой хорошей девушке, – согласился я, – по плохому танцору!

– Тогда все в порядке, пойдем?

Я упирался, но она ухватила за руку цепкими пальцами, привыкшими сжимать гриф штанги, умело дернула, и я вынужденно сдвинулся, чувствуя, что меня увлекает за собой что-то вроде шагающего экскаватора.

В комнате она сразу прижалась, заставила двигаться едва-едва, так что даже с моим умением такое танцевать можно, согласен. От ее сильного здорового тела приятно пахнет духами, я старался напоминать себе, что это она отбивает запах пота, а так вообще культуристки потеют, как лошади или балерины.

– У тебя плотные мышцы, – заметила она одобрительно, – тебе качаться нужно.

– Зачем?

– Вздурешь такие мускулы! Все мужчины завидовать будут.

– Зачем? – повторил я. – Я, так сказать, извини за выражение, интеллектual нижнего уровня. У нас появиться с мускулами – позор. Мы тяжелее проца или харда ничего не поднимаем. Сила есть – ума не надо, и все такое прочее. Все-таки главное не сила, а правильный вектор ее приложения.

– Знание – сила, – весело отпаривала она, – а незнание – мощь миллионов. Мужчина с мышцами всегда смотрится лучше, чем без оных. Кем бы он ни был. Уж поверь, мы, женщины, говорим друг с другом без утайки.

Она умолкла, только бросила взгляд на Каролину, я тоже промолчал. В Светлане, если особенно не приглядываться, не всякий рассмотрит мастера спорта по фитнесу, а еще раньше она занималась бодибилдингом и пауэрлифтингом. Просто очень хорошая фигура, крупная грудь идеальной формы, наверняка твердая, словно из дуба вырезанная, отшлифованная и покрытая лаком... нет, скорее, как упругие резиновые мячики, не надуваемые, а литые... гм... широкие плечи и тонкая талия, а руки очень красивые, с тугими трицепсами, которые у женщин начинают отвисать уже со студенческого возраста.

Ей двадцать семь, вспомнил я. На два года больше, чем мне. Может быть, еще и потому поглядывает на меня заинтересованно. Если я выбрал в подруги женщину, старше себя на восемь лет, то разницу в три вообще не замечу. Не то, что остальные козлы, уже седые, а все молоденьких девочек ищут.

В комнате Коля, возбужденно блестя глазами, рассказывает внимательно слушающей его Насте:

– Иду я себе в магазин, вдруг из-за угла заряд из BFG... Ну, я сразу все понял, тут же в магазин, взял одну беленькую, две красных, вышел: на душе, как в раю!

Настя сказала с игривым неодобрением:

– Ах, Коля, сколько же ты выпить сможешь?

– В меру выпитая водка, – сказал Коля наставительно, – хороша в любых количествах. В жизни человек должен попробовать все и решить, нужно это ему или нет. Кто-то не все пробует, а кто-то, попробовав, уже не может правильно решить.

– А ты решаешь, – спросила она как-то намекая, – правильно?

Он не понял, что его клеят, или же сделал вид, что не понял, так бывает дешевле, вскинулся оскорбленно.

– А как же? От нечего делать пьют только недалекие люди. Умный всегда найдет причину.

Она покачала головой.

– Ох, Коля, Коля... Ты не пробовал вернуться к нормальной жизни?

– Только вчера вернулся к нормальной, – сказал он обвиняюще. – Вернулся, а ее уже нет... Ну, что оставалось, как не тяпнуть по маленькой?

Она засмеялась, широко раскрывая сочный рот, откинулась на спинку дивана, чтобы грудь выше и вся как бы в постели, должен же он раздеть ее глазами, если алкоголь не совсем пригасил мужские инстинкты, у нее такое роскошное нежное тело, белое, как сало молодого поросенка, вот уже несколько лет не знающее загара, чтобы сохранить белизну.

– Кроме вина и водки, – сказала она уже без намеков, – в жизни столько удовольствий! Особенно в мужской.

– Увы, – сказал он уныло, – на эти удовольствия уходит весь мой заработок. На жизнь не остается!

– Повышай квалификацию, – посоветовала Настя. – Володя уже и в НИИ подрабатывает...

Коля удивился, повернулся ко мне.

– Правда? Володя, держись подальше от науки: выяснилось, что научные исследования вызывают рак у лабораторных крыс.

Я не успел объяснить, что мои научные исследования начинаются и заканчиваются ремонтом компьютеров, но Коля уже отвернулся, пропел весело:

– На горе стоит хомяк. Его мучит отходняк... Если не было бы глюка, жизнь была б такая скука!

Незаметно подошла Светлана, сказала лукаво:

– Ох, Володя, не в мудрости сладость жизни...

– Да не занимаюсь я наукой, – возразил я. – Просто помогаю с одним проектом для института металлургии. Ты же знаешь, беру подработки везде, где удастся.

– Всех денег не загребешь.

– Я люблю работать, – возразил я, сразу ошетиниваясь, никто не любит, когда подозревают в жадности. – Мне нравится работать.

– Если хочется работать, – сообщил Коля, – ляг, поспи – и все пройдет. Если человек вкладывает в работу всю душу, то на общение с людьми у него уже ничего не остается. А разве мы живем не для общения?

Настя сказала ехидно:

– Может, Володя живет ради зарплаты, потому и зарабатывает много?

– С тем, что работать ради денег нельзя, – сказал Коля, – согласны все, поэтому одни работают, не получая денег, а другие получают деньги, не работая. Если честно, то ничто так не отбивает желание работать, как зарплата. Если я не найду себе достойной и хорошо оплачиваемой работы, пойду на психфак наглядным пособием.

2006 год, 31 мая, 01.00

Обратно выбрались за полночь, все-таки у Голембовских здорово, хоть и бурчим, но кто теперь не бурчит, расставались с сожалением. Аркадий и Жанна вышли нас проводить, с нами одновременно собрались Светлана и Юлиан. Он предложил довезти ее, но Светлана напросилась к нам: и по дороге, и пощечечут с подругой.

Мне показалось, что Юлиан совсем не разочарован, он вообще-то побаивается слишком сильных и уверенных женщин, да кто их не побаивается, поцеловал Светлане руку, помахал нам уже от своей машины и хлопнул дверцей. Светлана и Каролина шушукались всю дорогу, хихикали, пугали меня инспекторами ГАИ, ведь я все-таки откушал пару фужеров вина, но все прошло мирно: Светлану высадили возле ее дома, а через десять минут уже подрулили к нашему.

В лифте я украдкой присматривался к Каролине. Показалось или в самом деле пару раз в глубине глаз мелькнул страх? А лицо побледнело, даже такому толстокожему, как я, заметно. Вообще я не очень чувствительный человек, но кожей чую, когда с любимой женщиной что-то не совсем так.

– Рассказывай, – потребовал я уже на лестничной площадке, – рассказывай!

Она вздохнула.

– О чем?

– Не прикидывайся, – отрезал я зло. – Думаешь, у меня глаз нет? У тебя неприятности. Говори, что случилось?

Она ответила с вымученной улыбкой:

– Да нет у меня неприятностей! Успокойся.

Я зло тыкал ключом в замочную скважину, не попадал, сказал с быстро нарастающей яростью:

– Знаю, это Жанна тебя обидела!.. Эта гадина всегда пыталась вбить между нами клин.

Она усмехнулась.

– Успокойся. Она положила глаз вовсе не на тебя.

– Все равно, – прорычал я, – эта тварь не может, чтобы не укусить!.. Слушай, давай не будем больше ходить на эти сабантуйчики? Нам и двоим хорошо. А новых знакомых будем подбирать осторожно, очень осторожно...

Она покачала головой, повторила в третий раз:

– Успокойся. Просто у меня настроение что-то...

Линдочка уже виляет обрубок хвостика по ту сторону, едва дождалась, пока дверь откроется. Каролина присела, давая себя обцеловать, почесала за ушами. Я закрыл на два оборота, тоже опустил на корточки.

– Ну разве нам не хорошо? – спросил я. – Каролина, выходи за меня замуж!.. Ну выходи! Выходи. Что тебя держит?

Она засмеялась, как мне почудилось, еще более грустно, чем обычно, когда я задавал этот вопрос, а я уже спрашивал сто тысяч раз. Каролина пошла в ванну, донесся плеск воды, я вышел выгулять собаку. Когда вернулся, Каролина стелила постель.

– Что тебя держит? – спросил я снова.

– Володя... Ну чем тебе плохо вот так?

– А я хочу скрепить узы, – настаивал я.

– Чем, простой печатью на простой бумажке?

– Не простой, – возразил я, – а гербовой. Наверное, гербовой. А почему бы нет?

Она мотнула головой.

– Нет.

– Почему? – спросил я. – Почему ты не хочешь выйти замуж по-настоящему?

Она потянулась в постели, переспросила:

– По-настоящему, это как? Разве мы не муж и жена по факту?

– Мне этого мало, – возразил я упрямо. – Я хочу, чтобы все было и по закону! С печатями.

Она вновь мотнула головой.

– Увы, я девушка старых взглядов. Сейчас это у нас все воспринимается знакомыми, как баловство, флирт, но замужество... ты же моложе меня на восемь лет!

Я сказал зло:

– Вон Деми Мур вышла замуж на парня, что ей в сыновья годится! И все считают, что нормально.

Она покачала головой.

– Нет, нет и нет. Мой муж должен быть не просто моим ровесником, а старше. Намного старше.

– На сколько? – спросил я довольно глупо.

Она вздохнула.

– Не знаю. На много. Мужчина должен быть старше. Так принято. Как на меня посмотрят, что я пришла в ЗАГС с ребенком, моложе меня на восемь лет? Вот если бы старше... да не на восемь, а лет на двадцать... Нет, такие браки, как был бы наш, недолговечны.

– Я никогда тебя не оставлю, – ответил я.

– Ох, Володя!

– Я никогда тебя не оставлю, – сказал я клятвенно. – Никогда! Никогда.

Она слабо улыбнулась, но я ощутил по ее молчанию, что не верит, не видит нас в будущем вдвоем. Я стиснул челюсти, ну как не может понять, что я действительно люблю, молча пошел в душевую, в кабине вспыхнул свет, это я однажды настроил, чтобы лампочка загоралась, когда открываю, включил музыку здесь же в душевой, у меня такая вот продвинутая кабина, долго смывал пыль и пот, все ждал, вдруг да придет Каролина, не дождался, а когда вошел в спальню, она уже спит, согнувшись в комочек, подтянув колени к подбородку, маленькая и настолько беззащитная, что захотелось заплакать от бессилия, что не могу спрятать ее в груди и носить там, чтобы на нее даже листок с дерева не посмел нагло обрушиться всем весом и острыми краями.

Тихо-тихо, замирая на каждом движении, я опустился рядом, подгрел тельце, так умело вылепленное, что все его выпуклости без зазоров вошли в мои вогнутости, облек ее, как твердая скорлупа жемчужину, мои губы оказались возле ее уха, так что мое мощное дыхание делает ее сон спокойным, защищенным, обхватил и вжал в себя, жалея, что я не осьминог, а еще лучше, кальмар, у того лап еще больше, долго лежал так, замирая от сладкого щема...

2006 год, 31 мая, 09.00

Утром попили кофе, она унеслась на работу, я просмотрел заказы на предмет, ехать ли в контору, либо отправиться по вызовам, заглянул в Интернет и сразу отыскал свеженькое объявление насчет ремонта мака. Сердце застучало ликующе, люблю мощные машины, да и фирма солидная, такая ремонтников со стороны не берет, позвонил на всякий случай, там ответили зло и коротко: приезжай немедленно!

Я ринулся к двери, на подоконнике звякнул телефон. Я рассерженно сделал крюк, схватил трубку.

– Аллю!

– А, это ты, Владимир, – прозвучал в мембране женский голос, – а Каролина дома?

– Нет, – сказал я, – уехала на работу. Вернется к вечеру. Что ты хотела, Анжела?.. Скажи, если хочешь, я передам.

На том конце запыхтело, голос прозвучал с длительными паузами:

– Да, это я, Анжела, угадал... Мне вообще-то Каролину... Ладно, я потом позвоню.

– Как знаешь, – ответил я равнодушно и, положив трубку, выбежал из квартиры. Анжела, старшая сестра Каролины, меня недолюбливает, как и вся ее немногочисленная родня. Вообще о Каролине из них никто не вспоминал, но как дознались, что связалась с парнем, который ей в сыновья годится, заговорили именно так: с ума сошла, надо ее как-то образумить. С того времени ей постоянно долбили, что она ведет себя по-дурацки, я вот-вот брошу ее, не лучше ли поторопиться найти достойного солидного мужчину, это он пусть вдвое старше, зато у нее не будет впереди травмы, когда ее бросят, как ненужную вещь...

Впрыгнул в машину, на скорости вырулил на дорогу, нарушив пару правил, но такой заказ упускать нельзя, и тут с холодком сообразил, что вообще-то Анжела знает, где Каролина работает, а еще знает, что в это время она в своем Центре астрономических вычислений. Ко мне домой она обычно не звонила, вдруг да я возьму трубку, а это ж так трудно сказать «Здравствуйте!». Да и вообще звонила всегда Каролине по мобильнику...

Пальцы враз похолодели, баранка вспотела и начала проворачиваться. Я исхитрился выудить мобильник, набрал рабочий номер Каролины.

– Отдел звездной статистики, – оторвался грубый мужской голос.

– Извините, – сказал я, – это Владимир вас беспокоит. Каролину можно оторвать на минуточку?

Слышно было, как голос спросил что-то в сторону, еще два голоса ответили, наконец он сказал:

– Сегодня она будет только с обеда. Если успеет.

Я спросило встревоженно:

– А что случилось?

Голос ответил с недоумением:

– Мы откуда знаем? Какое-то обследование. Женщины всегда что-то выясняют. Хорошо, что нас Бог создал человеками...

В мобильнике щелкнуло, а я поспешно прибавил газу, с левого края меня уже оттирают, угрожая ударить бортом. В голове сумятица, страх, самые дикие мысли, начиная от того, что Каролина забеременела и старается решить эту проблему без меня, и кончая банальной ревностью, ибо на Каролину засматриваются многие мужчины, в ней нет той броской и беспощадной красоты, как у Светланы, зато есть такая лучистость, что согреет каждого, на кого посмотрит кроткими теплыми глазами.

Охрана остановила меня еще у ворот, я с трепетом назвал себя, и меня не пришибли, а позволили припарковаться у подъезда, где уже сверкают на солнце шестисотые и джипы с

темными стеклами. Второй раз проверили на входе в здание, но, оказывается, мое имя уже есть на листе, пропустили, а девушка в одежде целомудренной секретарши провела меня в одну из больших комнат, где у меня сразу участилось дыхание, а руки затряслись, как у вора, попавшего в сокровищницы Кремля.

Такие сервера только-только начали выпускаться, в них вбито столько новинок, что у меня слюнки текли, когда читал компьютерные новости. Я разглядывал жадно, ко мне подошел немолодой мужчина в рабочем костюме, оглядел критически.

– В самом деле беретесь?.. Ладно, только нужно все быстро. Завтра ожидаем приезда инвесторов...

Я кивнул, все понятно, инвесторы – это все, это не какой-то там президент страны, царь или король, все вертится вокруг инвесторов, а не какого-то там правительства.

– Приступаю, – сказал я. – А что у вас случилось с вашей обслугой?

Он скривился, махнул рукой.

– Двое отравились на вчерашнем банкете в ресторане, третий в отпуску, а четвертый уехал хоронить дедушку...

Я кивнул, прекрасно, хоть и нехорошо радоваться чужой беде.

– Прекрасно. Обесточен? Я могу приступить?

– Да, – ответил он обреченно. – Вы в самом деле знакомы с этой штукой?

– У меня они в коридоре стоят, – ответил я бодро. – Штук пять... нет, десять!

Он вздохнул и удалился. Я быстро снял кожух и с головой влез во внутренности супер-компьютера. За спиной иногда что-то топало, грюкало, слышались голоса. Наконец сообщили, что столовая для сотрудников на втором этаже, а еще есть буфет. Это я услышал, потому что уже, перегрузив комп трижды, разгибал ноющую спину.

– Ох... можете проверить.

Инженер сбегал за начальником отдела, тот примчался, как на скутере, спросил с надеждой:

– Получается?

– Готово, – ответил я скромно. – Кстати, я там малость кое-что поправил. У вас слишком уж усложненная конструкция. Да и проц я малость разогнал... Раз уж вы раскошались на такую дуру, то на пару кулеров тем более разоритесь.

Не слушая, он врубил, впился взглядом в быстро бегущие цифры на черном фоне, компьютер тестирует перед новой работой, охнул:

– Как вам удалось поднять частоту?

– Я ж говорю, – сказал я скромно, – чуточку разогнал. Можно было на треть, но я добавил всего десять процентов...

– Да вы запорете компьютер!

– Даю гарантию, – сказал я, хотя понятно, какая с меня гарантия. – Все будет тип-топ. Где у вас касса?

Домой возвращался довольный не столько солидной оплатой, сколько тем, как сумел пустить пыль в глаза. На самом деле я не пропускаю новостей из компьютерного мира, а там было и об этой модели. Уже после их выпуска и продажи первых серверов инженеры компании пришли к выводу, что вообще-то поосторожничажи, на самом деле частоту можно поднять процентов на двадцать, если, конечно, обеспечить более мощным охлаждением. Я это читал и даже посмотрел схему, по которой предлагали переставить кулеры, чтобы вместо трех поместить шесть. Я прямо из их фирмы позвонил в магазин и заказал с немедленной доставкой не только замену поврежденной платы, но и добавочные кулеры.

2006 год, 31 мая, 20.35

Каролина пришла усталая, под глазами круги, у рта резкие морщинки, которые я стараюсь не замечать. Они почти пропадают, когда она веселая и довольная, но в редкие минуты усталости выглядит несколько старше. Нет, не на тридцать два, как на самом деле, а так, на двадцать пять. Но и двадцать пять для нее тоска смертная, это ж мне скоро двадцать пять, а женщина должна быть обязательно моложе, хоть умри!

– Звонила Анжела, – сообщил я.

Каролина насторожилась.

– Что она сказала?

Голос, которым произнесла эти слова, показался мне слишком уж напряженным, у Каролины даже дыхание прервалось.

– Да так, – ответил я, – так... поговорили...

Она спросила резко:

– О чем?.. О чем говорили?

Я сам ощутил растущее напряжение в комнате, помедлил и сказал нарочито загадочно:

– Да так... о разном. Но... знаешь, я просто не могу поверить в то, что она сказала... Это вранье, да?

Каролина вздохнула, из нее словно выдернули стержень, на котором держалась все дни. Я едва успел подхватить, усадил рядом на диван, принялся целовать в шею, кусать за уши. Она сказала слабо:

– Я же просила не говорить... Я просила никому не рассказывать...

– Почему? – спросил я. – Почему не должен был узнать первым я?

Она прошептала:

– Потому что мы оба только тем и занимаемся, что оберегаем друг друга.

Я держал ее в руках, как ребенка, легонько баюкал, бережно целовал в волосы, лоб, уши.

– Что делать, – прошептала она с отчаянием, – что делать... Нет, опоздали. Четвертая степень. И никакая диагностика не помогла бы... Есть такие виды рака, что развиваются слишком быстро.

Дыхание у меня оборвалось, в глазах потемнело. Как будто издали я услышал свой истончившийся голос:

– Рак?.. При чем здесь...

Она вздрогнула, отстранилась рывком. В глазах метнулся страх и запоздалое понимание.

– Но разве сестра не...

– Прости, – прошептал я. – Она ничего не сказала, это я хотел тебя разыграть... Я думал... я подумал совсем на другое. Но, Каролина, такое просто не может быть! Мы же ведем здоровый образ жизни, у нас нет в родне умерших от рака...

– Есть, – ответила она слабо. – В моей родне двое. Дедушка умер, а еще двоюродная тетя.

2006 год, 1 июня, 01.40

Она спала тихо, но беспокойно, а я зажег настольную лампу на кухне и устроился там с ноутбуком. Яндекс выдал сотни тысяч сайтов по проблеме рака и несколько миллионов статей. Я резко сократил поиск по слову «лейкемия», он выдал три тысячи сайтов, я сузил еще, оставив сотню, начал просматривать, с каждой минутой сердце сжималось еще больше, во рту накапливается горечь, а отчаяние начинает распирать грудь.

Везде это судорожное бляенье: «...в ближайшие пять лет ученые обещают найти радикальное средство», «...через три года начнет испытание первая вакцина против рака», «...ученые окончательно расшифровали ген рака, полная победа над ним не за горами», однако сейчас все пока только разводят руками и обещают, что процент выздоровления достаточно высок, если сумеют обнаружить на ранней стадии, если рак развивается очень медленно и если организм достаточно здоров, чтобы выдерживать раз за разом чудовищные дозы химиотерапии.

Еще я узнал, что от рака умрут все. Раковые клетки есть в теле каждого, но развиваться обычно начинают после тридцати-сорока лет. У одних развивается быстро, у других настолько медленно, что человек умирает в возрасте девяноста или ста лет, и только вскрытие показывает, что раковая опухоль изрядно подросла за последние пятьдесят лет, но не она явилась причиной смерти.

Очень распространенный, к примеру, рак прямой кишки, вообще развивается медленно, и врачи, обнаружив его, обычно ничего не делают, а только советуют следить за ним, а пациенту раз в три-четыре года обследоваться, чтобы наблюдать за ростом опухоли. Но есть и быстрые виды рака, когда заболевание распространяется стремительно. Один из таких видов – лейкемия.

Каролина проснулась утром, когда я все еще шарил по сайтам, всматриваясь воспаленными глазами в адреса, увы, уже не клиник при научно-исследовательских институтах, а всевозможных целителей. Весь Интернет пестрит ссылками на чудесные излечения, я лихорадочно пролистывал рекомендации как народных целителей, так и откровения всяких тибетских мудрецов, особо жадно читал про энтузиастов, что опробовали комбинации лекарств и чего-нибудь необычного, но современного. К примеру, ряд врачей, действительно врачей, превозносят метод поглощения высокооктанового бензина, мол, здоровым клеткам не вредит, а раковые убивает, другие обещают исцеление, если...

Ее ласковые руки обняли меня сзади. Тихий голос прошелестел над ухом:

– Ты даже кофе не пил...

Я прижался щекой к ее пальцам, таким тонким и жалобным, в глазах защипало. Она ощутила влагу, порывисто вздохнула. Я потащил ее к себе на колени, сцепились в объятии. Слезы из моих глаз хлынули горячими едкими струями, грудь судорожно вздымалась. Я не плакал с детства, но сейчас словно за все годы взрослости выплеснул все.

Она не целовала, не утешала, все лишнее, только прижималась всем телом, словно старалась защитить меня от моих же слез, и в то же время сама искала защиту, ведь я – мужчина, а мужчина должен защищать и беречь свою женщину.

На работу она все-таки пошла, хотя я уговаривал бросить эту ерунду, надо искать пути спасения, ну не может такого быть, чтобы мы не одолели, не смогли, мы же молодые и сильные!

Оставшись один, я снова с головой влез в Интернет. Пробежался по ссылкам, везде отмечают стремительный рост онкологических заболеваний. Насколько быстрых, что появился термин «моментальный рак». Конечно, рак не бывает моментальным, любая раковая опухоль растет и развивается даже не годами, а десятилетиями, а заметной становится только на последнем этапе, однако же совсем недавно рак не был так распространен, а теперь трудно найти чело-

века, который с ужасом не обнаружил бы в себе быстро растущую опухоль! Не находят разве что те, кто не ходит на эти пугающие обследования.

Я читал и читал, поглощая за этот день и ночь столько информации, сколько не получал за всю жизнь. Я перелопатил и всю историю раковых исследований, и о всех применяемых способах, даже не о всех срабатываемых – эти в случае с Каролиной бессильны, а вообще... Везде звучит этот безнадежный страх перед раком, ужас и покорность баранов, которых эскалатор несет к бойне. Ничего не сделать: рак невозможно заметить, пока растет и зреет, человек все так же здоров и бодр, и только на последней стадии, когда эта гадость расползется по всему телу, а метастазы начнут быстро поглощать здоровую ткань, когда начнутся боли...

Ранняя диагностика – чушь, только некоторые виды рака удастся обнаружить до последней, четвертой стадии, да и то не всегда, хотя и с высоким процентом вероятности, а все остальные сваливаются, как снег на голову. А если еще учесть, что человек не ходит каждый месяц проверяться именно на рак, потому что общие анализы никогда не выявят рака, для него нужны особые, отдельные, очень сложные...

Методы лечения... ладно, официальную медицину пропустим, она честно призналась, что ничего не может... пока что, а вот неофициальная предлагает тысячи способов, но я прочел первые два десятка, и стало ясно, что утопающий и за гадюку схватится.

2006 год, 3 июня, 12.20

Я два дня пробегал по городу, в последней отчаянной надежде искал филиал Института Крионики. Узнав, что мне нужно, направили в Северное Бутово, где сооружается первое в стране хранилище. Там предполагают хранить замороженные в азоте тела умерших, чтобы в будущем разморозить, вылечить и дать им возможность прожить до конца. Мне даже популярно объяснили, что, когда человек умирает, он еще не умирает, хотя наша медицина момент смерти все отодвигает: сперва смертью считали остановку дыхания, даже зеркальце прикладывали к губам для окончательной проверки, затем смертью считали остановку сердца, а теперь вот – прекращение деятельности мозга. Однако и в этом случае человек еще жив, если сразу же заморозить, то вся проблема будет в правильном размораживании... потом, когда научатся лечить рак и прочие болезни.

– Это будет стоить сто тысяч долларов, – сообщил менеджер, наблюдающий за строительством. – Конечно, как первый взнос. Затем ежегодно по двадцать-тридцать тысяч на поддержание нужной температуры, на зарплату обслуживающего персонала. Уверяю вас, проект совсем не коммерческий, мы ничего не навариваем.

– А какой же?

Он вздохнул, лицо омрачилось.

– У гендиректора отца возят на химиотерапию уже три года. Не умирает и не выздоравливает, измучился, жить больше не хочет... Да и все мы, знаете ли, под раком ходим.

Я стиснул челюсти. Дело не в том, что у меня в лучшем случае наскребется тысячи две-три, а надо сто, я готов даже грабить банки, но хранилище закончат только через полтора года! А потом еще через полгода, после полной отладки оборудования, начнут принимать первых пациентов!

2006 год, 14 июня, 14.20

Каролина, исхудавшая, как скелет, лежала с закрытыми глазами. Я сидел на краю постели, ее исхудавшие пальцы в моей ладони. Истончившиеся веки затрепетали, силясь подняться, я сказал быстро:

– Лежи-лежи! Я здесь.

Ее губы слабо шевельнулись.

– Володя...

– Я здесь, – повторил я.

– Прости...

– За что? – спросил я раздавленно. – Это ты прости, что я не уберег... Я мужчина, я должен уберегать...

– Ничего ты не... должен, – прошептала она, не поднимая век, высохших, в полопавшихся красных нитях. – Прости, что причиняю боль... И что ухожу...

– Ты не уйдешь! – ответил я со злостью. – Ты не уйдешь! Я не отпущу... Мы еще побегаем... и Линдочка будет приставать к тебе с игрушками...

Она слабо улыбнулась. Улыбка так и осталась на ее изможденном лице. Прибывший врач объяснил, что могла бы прожить еще неделю, но сердце отказало раньше. Все к лучшему, добавил он с грубоватой прямоотой: последние дни самые страшные, человек умирает в жутких мучениях, когда не помогают даже сильнейшие наркотики. И выглядит такой человек ужасно.

Похоронили на далеком загородном кладбище, она не принадлежит к знатым персонам, даже могилку дали самую простую, дешевую. Всем распоряжались Анжела и ее дядя, единственные отыскавшиеся родственники, унаследовавшие ее квартиру. Даже в счет этой квартиры они не раскошались на могилку, хотели отправить в крематорий, куда сдают бездомных бродяг, я снял все свои наличные и, оплатив место, добился, чтобы похоронили достаточно пристойно, и оплатил место на кладбище за десять лет вперед.

Родственнички поулыбались над моей дуростью, исчезли, и больше я их не видел. Продали они ее квартиру или кто-то вселился, я уже не знал, так как постарался забыть тот телефон и вообще все утопить в рюмке, нет, в стакане. Большом, граненом.

Потом я понял, что спасла меня Линдочка. Она то скулила, то тыкалась мордой и просила есть или умоляла хотя бы налить ей в мисочку воды, подбегала к двери и визжала, объясняя, что у нее вот-вот лопнет живот, ну не может она по двое суток не опорожняться! И тосковала вместе со мной, я это видел, даже потрясенно замечал в ее чистых преданных глазах слезы. Она страдала вместе со мной. И если бы умела пить, запила бы тоже.

Меня несколько раз выводили из запоя, потом я обнаружил себя играющим в Sims-2, где у нас с Каролиной свой домик, живем дружно и счастливо, принимаем гостей, а вот Каролина забеременела, начал расти живот, появился ребенок, я приучаюсь его пеленать и кормить из бутылочки...

Однажды в прихожей раздался звонок. Я поморщился, надо бы отключить вовсе, но звенит и звенит, я наконец дотащился до двери, кое-как справился со щеколдой. На лестничной площадке Аркадий и Жанна, с заранее заготовленными скорбными лицами, но у обоих вытянулись еще больше, когда увидели, в каком виде я на самом деле. Аркадий коротко обнял и, передав меня жене, тут же прошел в комнату, Жанна обняла меня и заревела во весь голос.

Я некоторое время крепился, но слезы брызнули из глаз, уже бегут ручьем, а мы стоим, крепко держим друг друга и вздрагиваем от рыданий, а Аркадий быстро вернулся из комнаты с ворохом одежды.

– Одевайся, одевайся! Я поставил машину в запрещенном месте.

Жанна сказала сквозь всхлипывания:

– Да-да, Володя... Одевайся, пожалей нашу машину...

Аркадий сказал с неловкостью:

– Я еще и приткнул ее так, что любой заденет. У вас перед домом совсем нет стоянки.

Линдочка вышла в коридор, посмотрела печально и легла у порога. Будет дожидаться, когда вернусь. Я не понимал, зачем нужно одеваться, но они так тормозили и настаивали, что я тупо под их натиском переоделся, двигаясь как сомнамбула. Аркадий запер дверь на два оборота, подергал за ручку, проверяя, сунул ключи мне в карман, и мы спустились на лифте в холл.

Машину в самом деле Аркадий приткнул рискованно: другие едва проползают в узком проходе, грозя процарапать бока. Мы торопливо заняли места, он вырулил на дорогу.

– Леонид защитил диссертацию, – сообщил он. – В двадцать девять лет – доктор наук! Молодчина. Он снял зал в кафе «Валентина», будут только друзья. Велел без тебя не возвращаться. Да и все ждут. Каролине завидовали, это тоже правда, но ее любили. И верь – не верь, но хоть какой сейчас мир ни черствый, но мы все скорбим. Жанна как вспомнит Каролину, так ревет...

2006 год, 15 октября, 18.00

Кафе «Валентина», которое я застал еще как небольшую комнату с двумя столами, по мере успеха раздвигало пределы, прикупало соседние помещения, сейчас уже не кафе, а предприятие по достойному и солидному отдыху. Большой зал, где общая публика, три небольших зальчика, очень даже уютных для торжеств, свадеб и прочих юбилеев, Аркадий и Жанна повели меня к дальней двери, в ближайший зал дверь распахнута, я успел заметить очень богатое убранство, роскошно уставленные столы, люди солидные и явно криминального склада. Женщины тоже все одинаковые – юные длинноногие красотки, это из сопровождения, так называемые секретарши на выезд.

В нашем зале все поскромнее, доктору наук не тягаться с криминальными авторитетами, за двумя сдвинутыми столами уже сидят Леонид и Михаил с женами, Коля и Светлана рядышком, еще несколько довольно приятных людей, с которыми я встречался то у Голембовских, то на общих мероприятиях. Стол заставлен пока салатами и холодными закусками, плюс – вина и коньяки, даже свернутые белоснежными киргизскими юртами салфетки стояли неподвижно и чинно на пустых тарелках.

Улыбки исчезли, все поднимались и, кто как мог, выражали мне соболезнование. Аркадий усадил меня рядом со Светланой, она молча опустила ладонь на мою руку, вздохнула, но не промолвила и слова. Обычно предпочитающая красные тона, сейчас в простой светлой блузке, открывающей широкую полоску между голубыми джинсами и самой блузкой, я даже успел заметить блеснувший лиловым глазом камешек, мощная грудь приподнята так, что просто неприлично, но не упрекнуть насчет ухищрений с особой формой бюстгальтера: его просто нет.

Она сразу принялась заботливо накладывать мне на тарелку ломтики ветчины и буженины: мужчинам надо мяса, сама налила мне водки. Я постоянно ощущал ее горячее сочувствие, что как хорошие духи обволакивало меня, согревало, забирало чуточку тоски.

– Ешь, – приговаривала она, – ешь! Так исхудал, что одни кости... Как не рассыпаются? Вообще-то у тебя сухожилия довольно толстые. Но кости тонковаты...

– Ладно тебе, – ответил я вяло. – Как на бойне рассматриваешь.

– Тебя до бойни полгода откармливать надо, – сообщила она. – Вон Жанна и Настена все мечтают похудеть, а у тебя само собой. Сколько дырок на ремне проколот?

– Не знаю.

– Вот видишь, – сказала она укоряюще, – а нельзя так, нельзя. Глядя на тебя, журналисты все время пишут, что Россия голодает.

Я невесело хмыкнул.

– Хорошо, что спивается не по мне... пусть лучше на тебя смотрят.

– Смотрят, – сообщила она. – В ноябрьском номере буду на обложке журнала «Бодишейпинг».

– А это еще что?

– Новое направление в спорте. Среднее между бодибилдерством и шейпингом. Чтобы и мускулы были, но не такие вызывающие, как у женщин-культуристок, и чтоб фигура в идеальном порядке.

– Да, – согласился я, – я бы тебя все время на обложки помещал. Всех журналов.

Она хитро улыбнулась.

– Всех? Даже «Плейбоя»?

– А что, – сказал я, – у тебя разве там что-то накладное? Красивую фигуру и голой показать не зазорно. Пусть гады завидуют.

На помост вышел оркестр, разобрали инструменты и сразу же заиграли очень громко и напористо. Из-за их спин выскочила женщина в мини-трусиках и, едва не проглатывая микрофон, запела так же громко и ресторанно. Две-три пары покинули столики и слились в покачивающемся танце.

Светлана следила за ними чуть прищуренными глазами.

– Помнишь, – напомнила она, – в прошлый раз мы даже танцевали.

– Из меня танцор никудышный, – напомнил я.

– Хорошему Фаберже, – намекнула она тонко, – ничего не мешает. Но я танцевать не поташу, посидим, помолчим.

Она поглядывала на меня, как на больного сиделка. Я с безразличием смотрел, как она откинулась на спинку, демонстрируя и высокую грудь, и прекрасно вылепленный голый живот с поблескивающей звездочкой пирсинга в пупке. Ноги красиво закинула одна на другую, дивно вылепленные, даже выточенные, отшлифованные, ни одного волоска, великолепное произведение искусства.

– Ты все еще в коме? – спросила она вдруг. В глазах я видел неподдельное участие. – Жизнь идет, Володя. Даже уходит. Ты хоть знаешь, сколько времени прошло?

– И потому ты взялась прожигать ее? – спросил я в тон. – Не слишком ли для шейпингистки этот стол... опасен?

Она сдержанно улыбнулась.

– Куда опаснее охладеть к жизни, чем прожигать ее. Не согласен?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Сейчас мне просто все обрыдло.

– Я знаю, – сказала она, – ты все строишь виртуальные миры в компьютере. Баймишь, баймишь... Но это ведь те же утешительные сны, не реальность.

– Иногда в прошедшем сне, – сказал я равнодушно, – больше смысла, чем в собственной жизни.

– Каролина была и мне подругой, – напомнила она. – Лучшей. С ее потерей из меня как будто часть души вырезали. Но жить надо, Володя. Ты чем занимаешься?

– Живу, как моль.

– Это как?

– Проел пальто, костюм, сейчас проедаю последние брюки.

Она положила ладонь на мое колено и сжала. Я ощутил, что моя нога попала в пресс, который автомобили превращает в аккуратные кубики металла.

– Значит, ты подошел к последнему рубежу. Давай я завтра заеду за тобой, отвезу на работу. Ты прекрасный ремонтник, технику знаешь. В нашей фирме есть и для тебя занятие. Поступила новая техника, обслуживать пока некому. С руководством уже переговорила.

Я угрюмо промолчал. К нам подсел Коля, он успел вроде понарошке забрести в соседний зал, откуда вежливо, но молниеносно выставили могучие бодигарды, теперь Коля возбужденно рассказывал, что в одной только Москве сто семьдесят тысяч бандитов, обыкновенных, простых, которые занимаются рэкетом, облагают налогом на рынках и базарах, воруют автомашины, а на дорогах занимаются подставами, вламываются в квартиры, грабят прохожих и так далее, ничего сложного, как, например, торговля наркотиками, оружием или банковские операции.

А вот знатоки, радостно доложил он нам, подсчитали, что если только вот этих обыкновенных бандитов... убрать, то страна получит в год триста сорок миллиардов долларов. Проще говоря, каждый из жителей страны получал бы по две тысячи долларов ежегодно. Если же их не просто... убрать, все понимаем, что это значит, а послать на какие-нибудь рудники, то это еще одна нехилая прибавка. Но все-таки самое главное, что люди перестанут страшиться выходить гулять вечерами...

Мы оба слушали равнодушно. Светлана уверена, что в рукопашной уложит хоть десяток обыкновенных уличных хулиганов, а мне, живу я или нет – без разницы. Коля обиделся, сказал, что мы две чурки бестолковые, мудрых идей не понимаем, завидел Михаила и, похлопав по сиденью рядом, усадил, придержал за плечи, чтобы не убежал, рассказал для начала про бандитов, гуляющих в соседнем зале, затем обрушился на политику, правительство, развращенное телевидение, которое порнуху даже днем показывает, где одни дебильные шоу, вообще все телеведущие – дебил на дебиле и дебилом погоняет...

Михаил морщился, кривился, поглядывал на меня и Светлану с укором, что отдали на растерзание напористому десантнику, наконец сказал мягко, но достаточно настойчиво:

– Коля, перестань. Перестань, как с луны упавший, возмущаться засильем порнухи, глупости и легковесности на телевидении, радио, в литературе. Неужели непонятно, что это для того двуногого скота, который и производит все основные ценности: качает нефть, добывает уголь, руду, перерабатывает в металл, бензин, пашет поля и выращивает хлеб?

– Основные ценности? – завопил Коля.

Михаил вскинул руку.

– погоди. Я сказал «основные ценности», на которых и зиждется благополучие всего остального. Уже понятно, что невозможно простого человека заставить читать умные книги, слушать симфонии, предпочитать высокохудожественные фильмы порнухе и боевикам. Не дано ему, а наперекор себе он ничего делать не хочет. Лозунг «Принимайте меня таким, какой я есть» – это кредо простого и очень даже простого митрофанушки, который даже с гантелями позаниматься не может, а старается купить пилюли, чтобы похудеть, продолжая жрать в три горла. А то и вовсе даже с пилюлями не худеть: принимайте, мол, меня таким!

Коля сказал азартно:

– Значит, надо вытаскивать его из дерьма!

Михаил взглянул на Светлану, на меня.

– Володя, вы согласны с Колей?

Я вспомнил тех вонючих обосранных бомжей, которых мы с Каролиной брезгливо обходили по проезжей части, как и весь остальной народ, невольно покачал головой.

– Я бы их еще и добил.

Коля дернулся, будто я предложил добить его самого, Михаил усмехнулся.

– Вы слишком категоричны, Володя. Но нельзя не признать, что все попытки приподнять простого человека до своего уровня... обломались. Слишком уж нас мало, а их миллиарды!

Коля спросил сварливо:

– У вас что, другая концепция?

– Да, – ответил Михаил скромно, но посмотрел в нашу сторону, словно выпрашивал помощи. Светлана опустила ладонь на мои пальцы. От ее руки идет сухой дружеский жар, я в самом деле ощутил, что я не совсем один в черном мире.

– И что же вы придумали? – спросил Коля с подозрением.

Михаил ответил мирно:

– Думаю, это придумывается... или делается само собой.

– И что же?

– Просто оставить эти безнадежные попытки. А свою энергию употребить на то, что даст хоть какой-то результат. Проще говоря, оставить простого человека там, где он есть. Перестать возмущаться засильем глупости на телевидении, а принять это как данность. А то ведь как-то несправедливо: семь миллиардов создают все материальные богатства, но смотреть фильмы должны такие, которые смотрит золотой миллиард? Да какой там миллиард, от силы – сто миллионов человек! Нет, им свое, нам – свое.

Коля нахмурился, поинтересовался с недоверием в голосе:

– А для нас – свои каналы?

– Возможно, – ответил Михаил, – к этому придем. Главное, что именно сейчас вот намечается... еще не проявившаяся тенденция и потому не замечаемая ни политологами, ни футурологами, тенденция... нет, пока только созрели предпосылки к ней, к тенденции разделения человечества на высших и низших...

Коля фыркнул:

– Это уже было в Средневековье. Благородные и... прочие.

– Все развивается по спирали, – напомнил Михаил. – Только на более высоком уровне. Мы наконец-то признаем... или наши дети признают неравенство и будут жить по этим правилам. Это не обязательно узаконивать. Достаточно это понять и принять. И, главное, перестать тащить всю эту инертную и сопротивляющуюся массу народа до своего уровня. У нас пупы развяжутся и руки оторвутся, а они и на миллиметр не поднимутся.

Мое сознание постепенно как бы затуманивалось, не в силах одновременно воспринимать и музыку, доносящуюся из главного зала, и многоголосый говор за столами, а тут еще нарастающий жар ладони Светланы, она словно молча переливает в меня часть своей дикой силы. Грустная истина в том, проползла ленивенькая мысль, что именно этот двуногий скот, презираемый и третируемый – за дело! – все-таки именно этот скот, для которого снимаются дурацкие комедии, устраиваются пошлейшие шоу, именно он, являясь массовым потребителем, позволяет снижать цены на телевизоры и всю электронику, на продукты питания, на все-все, что является массовым продуктом. А на падающие с его стола крохи можно развивать науку и совершенствовать технику. Что делать, пока нет другого пути. Построение коммунизма, где все должно «по сознанию» и все люди должны быть «сознательными», быстро выдохлось именно по причине, что строить коммунизм впрягли все-таки скот, в котором от человека меньше одного процента.

Они спорили, музыка грохочет, певица уже просто выкрикивает что-то в зал, делает загребательные движения, в зале царит пьяненькое расслабленное веселье двуногого скота, хоть и в хороших костюмах, но только этот двуногий себя скотом не считает, для него двуногий скот только тот, у кого нет диплома и кто не носит галстук. Увы, более жизненным оказался этот путь, когда все достижения цивилизации работают на удовлетворение запросов этого двуногого скота, лишь бы работал больше, покупал больше, и тогда можно развивать человека «всесторонне». То есть он и срать станет больше, но и тактовая частота компьютеров возрастет...

Коля сказал с неудовольствием:

– Ну, Михаил, ты какую-то странную зависимость выводешь.

– Смотри, – ответил Михаил, – сперва героями были великие воины, полководцы, создатели империй. Ну там Александры Македонские, Ахиллы, на худой конец – Чапаевы. Затем пришла эра ученых: весь мир узнал имена Эйнштейна, Ферма, Бора, Максвелла, Оппенгеймера, о них писали, ими восхищались, им старались подражать, по их стопам пошли самые умные, самые талантливые...

Он сделал паузу, Коля сказал нетерпеливо:

– Телись, не надо театральных жестов.

– Да это я просто не решаюсь, – ответил Михаил, – сказать, в каком дерьме сейчас мир. У нас не знают героев...

– ...да и хрен с ними, – вставил Коля.

– Согласен, – ответил Михаил невозмутимо, – но не знают и того, кто создал компьютеры, Интернет, автомобили, космические корабли, расшифровал ДНК... зато у всех на виду и на слуху создатели новых причесок, новых выкроек платьев. На какой канал ни переключу, везде интервью с дизайнером нового способа укладки волос, все это на фоне роскошнейшей виллы, которую этот дизайнер купил за каких-то сто миллионов долларов, разве это деньги, а еще на заднем плане мачты его яхты за двести миллионов. В то же время я назову десяток виднейших

ученых, которые приподняли нашу цивилизацию на новую ступень, но им едва-едва хватает денег на хлеб.

– Ну уж и на хлеб!

– Ладно-ладно, – уступил Михаил, – на хлеб хватает. Но у них не только таких вилл и яхт нет, у них нет возможности ставить опыты, что могут дать человечеству жить без болезней, жить счастливо, летать на другие планеты и даже к звездам! Именно эти ученые дали возможность этим дизайнерам причесок получать вот такие сумасшедшие деньги, но сами... куда мир катится?

Я вдруг ощутил себя легче. Не то чтобы с души спал могильный камень, нет, и не спадет, чувствую, я из таких вот повернутых, но все же что-то задело. Я сам примерно так чувствовал, только не мог словами, а Михаил, недаром кандидат наук, умеет формулировать. Хрен с ними, теми двуногими, нечего с ними нянчиться. Но и Коля прав: если бы хотя бы часть денег, выбрасываемых на придумывание новых гелей для увеличения женской груди, направили на медицину, рак успели бы победить до того, как...

В темном беззвездном небе блистающий, как осколок арктического ледника, острый серп луны, яркие фонари не могут соперничать блеском, прижались к асфальту. Воздух еще теплый, словно вечером, хотя далеко за полночь, разогретый асфальт и стены домов щедро отдают накопленное тепло. Автомобили выстроились темные и загадочные, только крыши блестят, как у металлических жуков, да вспыхивают фары у тех, к кому подходят хозяева.

Из кафе то и дело выводят хозяев жизни, кто-то блюет прямо на тротуар, двое добрались до своего авто и шумно мочатся на колеса. Женщины пьяно щебечут, у одной бретельки сползли на локти, мужчины игриво щипают за дойки, она глупо хихикает и томно выгибается, призывно раскрывая разогретые приливом крови губы, какие они все одинаковые...

Аркадий и Жанна повели меня к машине, но Светлана сказала твердо:

– Вы с ума сошли!.. Вам же в другую сторону. Пока доберетесь, уже на работу будет пора.

– Светочка, а ты...

– Да отвезу я его, отвезу, – заверила она. – Мы же почти соседи!

– Да знаем, но...

– Никаких «но», – отрезала она. – Володя, дверцу открыть сумеешь?

2006-й, 16 октября, 09.00

Жизнь продолжается, вспоминал я Михаила. Продолжает ее и он, хотя лучшим периодом своей жизни считает внутриутробный. Коля вообще уверен, что жизнь хороша, в какой бы позе она ни проводилась. Но Каролины нет...

После моих отчаянных метаний по Интернету в поисках эликсира от рака осталось множество закладок. Я снова и снова перебирал их, кликал, бегло просматривал, ну неужели ничего и не было, ведь это же такая жуть для всех, все умрем от рака, все до единого, кроме тех, кто ухитрится умереть раньше...

Вот одна из закладок на слове «нанотехнологии». В прошлый раз я лишь бегло мазнул взглядом по строкам, не увидел рецепта, как вылечить немедленно, сейчас начал вчитываться, стараясь понять, зачем забукмарил. Судя по анонсу, настоящая нанотехнология начнется с момента, когда удастся создать наноманипулятор, что будет брать атомы и строить из них заданное. Такой наноманипулятор должен управляться нанокomпьютером, что будет в роботесборщике.

Таких манипуляторов, понятно, нет. За их изготовления назначены немалые премии, только IBM выделило четверть миллиона долларов, но, думаю, размер придется удвоить. А то и не раз. Знатоки уверяют, что такое создадут уже в 2010-м, но что-то не верится, это ж через четыре года, правда, другие знатоки указывают на 2020-й, дескать, именно тогда создадут такой миниатюрный комплекс, а он уже соберет своего дубля по вмонтированной в него программе, без помощи человека.

Это называется репликацией, или ассемблированием. В ДНК записаны репликативные свойства, благодаря им одна бактерия за час может размножиться до сотен миллионов. Точно так же может размножиться и наш робот-сборщик, ассемблер. Эти крохотные существа вместе с потоками крови будут переноситься по телу, следить за его состоянием, тут же вмешиваться и в зародыше удалять любую злокачественную опухоль, удалять бляшки со стенок, прочищать закупоренные варикозные сосуды, чистить и латать изнутри...

Я задержался в этом месте, скопировал и бросил в зашпатель. По-моему, это я уже хватался за все, что хоть чуть давало надежду. Хотя, если подумать непредвзято, то нанотехнология обещает в самом деле настоящие чудеса. Среди них – полное избавление от всех болезней, выключение гена старости, долгая жизнь, переходящая в бессмертие, а там...

Сердце колотилось все чаще. Кровь бросилась в голову, я наконец-то вспомнил, какие безумные мысли рождались и выныривали из кипящего в мозгу котла. С помощью нанотехнологий можно будет прожить до тех времен, когда... даже вслух произносить страшно, сейчас об этом подумать дико, но тогда, в том дивном мире все будет возможно.

За окном в ночи отвратительно сработала сигнализация какой-то машины. Кошка прыгнула на капот или еще что, но теперь машина будет вопить и вопить, хоть бы кто бросил ей на крышу бутылку с коктейлем Молотова. Кто не считается с покоем жильцов, с тем тоже можно не считаться.

Настроение резко упало, дурак-автовладелец напомнил, в каком мире живу. Люди мрут, как мухи. Не только потому, что срок жизни мал, но и болезни косят, как траву. То, что я прожил дольше Каролины, моя ли заслуга? Вполне может быть, что и во мне уже развивается какая-то смертоносная гадость.

Ага, вот еще сайт, где тоже обеспокоены здоровьем. Люди хотят жить без болезней, хотят жить дольше. Пытаются понять, как это сделать в нашем еще диком времени. Дескать, старение и гибель живого существует лишь потому, что природе так удобнее для целей движения по пути усложнения. Но бессмертны клетки крови, кишечного эпителия, клетки опухолей. Существуют и бессмертные животные, те же гидры. Или медузы. Сейчас тысячи лабораторий,

пытаясь друг друга обогнать, движутся по пути продления человеческой жизни. В идеале – отменить старость и смерть вообще, но пока хотя бы только продлить жизнь. Ну там на сто-двести лет. Хотя уже сейчас некоторые говорят и про тысячу. Да зачем тысячу: достаточно и сотни лет, чтобы за это время достигли бессмертия и можно было выбирать: умирать ли, чтобы попасть в рай, или же топтать грешную землю дальше?

Ну-ну, размечтались... Ага, вот хорошая фраза: «...ученые заявили, что если вы достаточно молоды, не старше тридцати, то сможете дожить до того времени, когда смерть вообще будет отменена. Разумеется, при условии, что станете скрупулезно и точно пользоваться всеми средствами для сохранения и продления жизни».

Череп мой разогрелся, мозги кипят, в лихорадочных испарениях мелькают самые причудливые образы, постоянно всплывает лицо Каролины, вижу ее глаза. Я малость схожу с ума, но именно в таком вот помраченном состоянии и приходят гениальные идеи, люди открывают фундаментальные законы вселенной, придумывают бессмертные стихи, вообще отыскивают новые пути...

Я не потрясатель основ, но идея, которая пришла мне в голову, кажется чудовищной. Я должен, должен попытаться дожить до этого времени. Мне двадцать четыре, так что шанс есть. Конечно, при условии соблюдения и всех условий, и чтоб наука не подкачала, отыскала пути к бессмертию или неограниченному продлению жизни за те сроки, когда жизнь в моем теле еще будет теплиться.

Вообще-то я, как все люди на свете, с неизбежностью смерти смирился, о ней вообще не думаю. Ведь все умирают: умерли Платон, Сократ, Гомер, Наполеон, папа римский, Ньютон, Сталин, Ломоносов, словом – все люди прошлых времен. Так же точно умрут все великие люди сегодняшнего дня. Так что и мне дергаться вроде бы не с руки. Но если есть шанс, хоть крохотный, и если меня все еще терзает эта рана... почему-то уверен, что так и будет терзать, это незаживающее: я мужчина, который обязан хранить и беречь свою женщину, а я вот не смог, не сберег, не сохранил...

А так вот, в безумно-бредово-пророческих видениях расплавленной каши в мозгах вижу еще более невероятный, но возможный шанс, что я все-таки встречу с нею. Ради этого стоит жить, стоит начинать высчитывать калории, худеть или, если нужно, то и вовсе отказаться от мяса. Еще не знаю, но уверен – все вынесу, все стерплю, все перемогу, но обязательно увижу ее и скажу те слова, которые она уже не сможет отвергнуть.

Час за часом, день за днем я все больше влезал с головой в тот мир, необычный и причудливый, что стоит на пороге, но мы в упор не видим, по дурости своей и убогости всерьез полагаем, что если сейчас машины большие, то в будущем будут еще крупнее, если сейчас летаем между городами и даже континентами, то в будущем будем летать на таких же самолетах – ну чуть видоизмененных! – между планетами, а то и между звездами. Да что там звезды, между галактиками будем летать на этих огромных самолетах, названных разве что звездолетами и приводимых в движение ультраплазмахренью.

Фигня, не будет звездолетов. Вообще. Да и людей, похоже, не останется.

2006-й, 20 октября, 09.00

Я уже поднаторел в программировании, так что для меня не составляло труда натянуть на сгенерированных персов личины Аркадия и Жанны, Коли, Михаила с Настеной, Леонида, Юлиана, Анатолия и Альбину, которые Каневские, еще друзей из круга Каролины, их фотографии у меня есть на харде, а вместе с баймой поставляется и небольшая тулза для точной юстировки лиц, фигур, характеров.

В конце концов, я создал не только карту и персов, но целый мод. Затем какой-то гад сумел пролезть в поисках номеров кредиток в мой комп, наткнулся на модификацию, скачал, и она пошла гулять по Интернету. Видимо, оказалась в чем-то интересной или революционной, во всяком случае, создатели баймы, к которым она попала довольно быстро, заинтересовались, захотели использовать некоторые мои придумки, обратились к руководству, а эти, толстые денежные мешки, велели найти неизвестного умельца.

В конце концов меня вычислили, предложили сотрудничать. Я отказался наотрез, наорал, спустил с лестницы и бегом вернулся к своему виртуальному миру, где все живы, где все по моей воле, а у нас с Каролиной подрастает ребенок...

Если бы не Линдочка, я бы вообще не выходил из виртуального мира, потому что есть и пить как-то глупо, когда достаточно кликнуть на иконку, и степень насыщенности поднимется от «голод» до «полного насыщения». Правда, попить иногда мне удавалось из-под крана, но без еды я, похоже, мог бы прожить всю жизнь. Ну, тот отрезок, который мне оставался.

И только Линдочка ничего не понимала и не хотела понимать в волшебных виртуальных мирах: выла, хватала за ногу и тащила к двери. Когда я дважды проигнорировал, она навалила кучу у самой двери, так что я, зажимая нос, долго убирал совком, потом отмывал и совок, и коврик. Вывел на улицу, она и там насрала столько, будто выгуливаю слона, а не моську.

Раз уж вывел, зашел в магазин напротив, купил ей целый мешок корму. Себе, кажется, тоже что-то купил, уже по инерции. Линдочка вроде бы удовольствовалась кормом, а я раньше не баловал разносолами, сам жру, что попало, и тебе неча рыло воротить, но наотрез отказывалась ходить в туалет, как делают некоторые кошки, а орала, выла и скреблась у двери, чего раньше никогда не делала. Правда, я выводил ее раньше дважды в день, а сейчас вроде бы не совсем и каждый...

Собачники меня попеняли, что у собачки может лопнуть мочевого пузыря, она ж будет терпеть, ей стыдно пустить лужу, это у нее может случиться почти в безсознательном состоянии, это молодые могут уписаться, а у старых рефлекс терпеть до выхода на улицу... и я начал выводить эту сволочь, с болью вырываясь из прекрасного мира в этот злой и несправедливый.

Однажды, когда я только вернулся с улицы, раздался звонок, я взглянул на номер, незнакомый, решил было не брать, но звонки длились, я наконец разозлился, схватил трубку.

– Аллю!

Тоненький девичий голосок прощебетал испуганно:

– Ой... Это Владимир Спивак?

– Да, – прорычал я, – чё надо?

Она пропищала с еще большим испугом:

– Не кладите трубку, соединяю вас с шефом...

Послышался щелчок переключателя, на том конце провода раздался сильный уверенный голос:

– Владимир? Это Уховертов Владимир Владимирович, директор фирмы «Корнелиус». Вы у нас однажды ремонтировали сервер. Сейчас к нам прибыла еще кое-какая техника... я хочу предложить вам работу.

– Что за работа? – буркнул я настороженно.

– Начальника компьютерной службы, – ответил он с удовольствием. – Вам самому, думаю, не справиться, так что у вас будут два помощника. Это не бог весть какой высокий пост, но приличное жалование, оплачиваемый отпуск, пропуск в наш фитнес-центр...

Я слушал внимательно, а когда он назвал сумму жалования, я спросил изумленно, неужели на такие деньги они не могут переманить что-нибудь совсем крутое из банка или ФАПСИ. Уховертов засмеялся и объяснил, что моя фамилия у них с того дня так и осталась в числе кандидатов в расширяющийся компьютерный цех, но окончательное решение приняли, когда узнали от конкурентов, что пытались соблазнить на сотрудничество очень толкового программиста, а им оказался именно я...

– Бред, – буркнул я. – Я не программист. То, что я сделал, может сделать любой школьник. Если захочет.

Голос в трубке прозвучал очень благожелательно:

– Вы и в прошлый раз сказали, что поломка ерундовая. Может быть, так и было, но сколько бы на вашем месте надувало щеки и говорило о великих трудностях, которые только они сумели одолеть!.. Владимир, я прошу принять наше предложение. Я уже знаю, у вас было несчастье, даже беда... но мне почему-то кажется, что в нашем коллективе вам понравится.

Я оглянулся на дисплей, где фигурки продолжают свою жизнь, сказал еще недовольнее:

– Все-таки вам нужен программист. А я, скорее, технарь. Специалист по железу.

– Нам нужен, – сказал он серьезно, – толковый, кто ориентируется в новых головолomных штуках и умеет быстро соображать, что с ними делать. Владимир, мы в самом деле ждем вас!

Я положил трубку, от компа донеслись испуганные голоса, я ринулся мирить, улаживать отношения, с головой влез в жизнь своего мирка, тут же забыв о разговоре. Правда, вечером зашли Аркадий и Жанна, пришлось оторваться от Sims'a, угощать кофе, за столом невзначай проговорился о предложении, Аркадий спросил про оклад, а когда я назвал цифру, он схватился за сердце.

– И ты отказался?

– Да, – ответил я недовольно.

– Почему?

– Не знаю, – ответил я. – Обрыдло все. Ничего не хочу.

Они переглянулись, Жанна ушла в ванную, я услышал шум льющейся воды. Через минуту она выглянула.

– Аркадий, помоги ему сбрить эту ужасную бороду, а я посмотрю пока, во что можно будет переодеться.

Аркадий довольно улыбался за моей спиной, а я долго всматривался в зеркало, стараясь отыскать того беспечного Владимира, какой смотрел на меня из зеркала раньше. Сейчас хмуро поблескивает сухими, как слюда, глазами исхудавший мужчина с седой прядью, лицо аскетичное, глаза запавшие. Похоже, этот человек никогда не улыбается.

– А теперь я тебя подцирюльно, – заявила Жанна безапелляционно. – Лучше бы, конечно, в перукарню, но везде по записи, а где без нее, то... уж лучше я сама.

Аркадий привел меня и почти силой усадил посреди комнаты на стул. Жанна набросила мне на плечи простыню, взялась за расческу, Аркадий пробормотал:

– Вылитый Саддам Хусейн в тюрьме.

– Превратим в Бреда Питта, – уверенно заявила Жанна.

Директор фирмы показался знакомым. Это он жаловался, что программисты отравились кулебякой с рыбой, а я тогда сумел блеснуть, сумел... Не знаю, был он уже тогда директором или стал вот сейчас, но помещение мне показалось почти вдвое больше, словно сломали стену и присоединили соседнее, а место для сервера уже подготовили в хорошо оборудованной комнате.

– Мы навели о вас справки, – сообщил директор, – все вас характеризуют как человека, хорошо знающего компьютеры и ясно представляющего, в каком направлении они развиваются. Так что подобрать подходящую машину поручаем вам. С тем расчетом, чтобы через год не выбрасывать на помойку, а совершенствовать, улучшать, заменять старые платы более мощными...

– Хорошо, – сказал я. – Благодарю за доверие. Хотя и неприятно, когда наводят справки, но... ладно. Когда?

– Прикиньте, – ответил он, – что нужно. Понадобятся еще и комплектующие, составьте список, а потом ко мне за утверждением. Мы пока что маленькая фирма и не очень богатая, но на мощную машину уж как-нибудь раскошелимся. Понимаем, как много от них зависит.

– Мощные машины в магазинах не стоят, – предупредил я.

– Закажите напрямую в фирмах, – сказал он нетерпеливо.

– И у них нет, – сказал я честно. Уточнил: – Готовых. Такие собирают на заказ.

Он нетерпеливо отмахнулся.

– Лучше меня знаете, какой должна быть мощная машина. Действуйте! Но не затягивайте.

– Сроки?

– Постарайтесь в неделю.

– Ого, – вырвалось у меня. – Ладно, попробую. Через десять минут у вас будет полный список.

Он усмехнулся.

– Знаете назубок?

– Это не бабочки, – ответил я. – Тех даже от комаров и жуков отличаю с трудом. А компьютеры... все разные.

2007 год

На новой работе, где сотрудники новые и сверхмощная машина новая, которую нужно не только привезти и установить, но и наладить, чтобы все бесперебойно и с горячей заменой дисков, я влез в работу с головой, намереваясь побыстрее все сделать, а потом вернуться в свой мир, где все живут хорошо и счастливо, Каролина ждет меня с работы, уже приготовив ужин, ребенок ползает под столом и таскает паровозик...

Но работы сваливалось все больше, я перелопачивал уже с трудом, но, к счастью, это не бабочек ловить или цветочки нюхать, в моем распоряжении все ресурсы огромного сервера, о таком даже не мечтал, работать с ним – счастье. Для решения новых задач я ухитрился находить новые тропки, благодаря чему наша фирма сумела выиграть два тендера и получить пару жирных заказов, не считая десятка мелких.

Как-то незаметно прибавилось жалованье, под моей рукой оказалось еще двое шустрых молодых ребят. У меня свой кабинет, я заменил диван и все чаще оставался там ночевать, против чего руководство ничуть не возражало.

Одновременно начал подбираться к осуществлению той дикой идеи, что не вызрела, а как-то вспыхнула в полубезумном бреде, обросла плотью, обрела скелет, я встал под ее святое знамя и поклялся сделать все, чтобы построить это светлое царство на земле.

Слава Интернету, в нем обыскал все, на что потребовалось бы несколько лет долгих изысканий. На медицинских форумах кое-что уточнил, на сайтах спортивных товаров сравнил цены препаратов, записал пару адресов магазинов медтехники и не поленился съездить, хотя все можно заказать и по сети с доставкой на дом.

Но такое заказывать лучше, когда знаешь, что заказываешь, а я как баран бродил вдоль стендов, где выставлены непонятные блестящие штучки, одни с пугающими шлангами, будто щупальца спрутов, другие с циферблатами и пультами, третьи и вовсе с крохотными телекамерами на конце гибких трубочек: неужто можно самому глотать и смотреть, что у тебя в желудке?

С биодобавками, что обещают здоровье и долгую жизнь, долго не мог разобраться: инструкции к пользованию настолько часто противоречат одна другой и сделаны так крикливо и заманивающе, что даже мне, вовсе не академику, видно подхалтуривающих ребят: вчера продавали ворованную рыбу, потом клепали пиратские диски, а сегодня перешли на биодобавки.

Кто-то просто поставляет их с Запада, эти только прибреживают о чудесных возможностях своей продукции, другие вообще подделывают в погоне за сверхприбылью. Все только начинается, Интернет заполнен противоречивыми объявлениями, призывами, обещаниями. Больше всего достала эта реклама насчет увеличения пениса. В первые дни, когда случилось это эпохальное открытие и началась всемирная кампания, читал с интересом, потом обилие начало раздражать, затем удалял уже по названию. Судя по обилию фабрик, что спешно строятся по всем континентам, уже конкурируя по вводу в строй с заводами по производству компьютеров, увеличение пениса – самая важная проблема человечества.

Да, увеличить пенис, а потом, когда конкуренты сумеют увеличить еще больше, то спешно наращивать мощности, чтобы увеличить еще, еще и еще. Та же ситуация, как в производстве компьютеров. Как только Intel повысит частоту хоть на пару мегов, тут же AMD делает рывок и выдает превышение на три-четыре, а то и все пять. После чего Intel, поднатужившись, через пару недель сообщает о достигнутой тактовой частоте еще на десять мегов выше, что через месяц уже будет доступна пользователям вместе с новыми процами.

Помню, мой первый комп, 286-й, имел тактовую частоту в четыре мегагерца. Сейчас у меня стоит или, вернее, лежит на столе ноутбук с тремя гигагерцами. Через пару лет обещают, по закону Мура, уже восемь-десять гигагерц. Если такими же темпами пойдет наращивание

размеров пениса, то очень скоро каждый увеличенец будет возить его перед собой на тележке. А потом понадобятся и платформы с моторами и множеством колес, похожие на низко посаженные бронетранспортеры.

Из наших, похоже, Коля явно пользуется этими увеличителями, причем – ударными дозами, не зря же морда в прыщах. И вид предельно изнуренный, это значит, часто сознание теряет. Понятно почему.

Я занимался с гантелями, когда в прихожей раздался звонок. На лестничной площадке Светлана и Коля, уже приготовившие самые радостные улыбки. Я распахнул дверь, Светлана всмотрелась, брови поползли вверх, а Коля протянул руку:

– Привет, старик!.. Шли мимо, Светлана и говорит, давай заглянем, как там наш отшельник... Не возражаешь?

– А что изменит? – спросил я. – Заходите, раз уж прете без звонка.

– Собаки нет? – спросил он опасливо. – А то я собак боюсь. Меня почему-то всегда кусают.

– Да у меня и не было, – напомнил я. – Разве Линдочка – это собака?

– Да кто тебя знает, – ответил он. – Когда одиноко, лучше уж собаку завести. Все лучше, чем женщину.

Светлана легонько ткнула его в бок, он скорчился и сделал вид, что сломала все ребра. Они якобы вытерли ноги, прошли в комнату, Линдочка в кресле подняла голову и пару раз вяло шевельнула хвостиком.

Коля раскрыл рот и растопырил в великом удивлении руки. На месте обеденного стола, за которым вся компания сидела не раз, распивая пиво, – спортивная скамья, а на дешевом синтетическом коврике – набор гантелей. В углу беговая дорожка с максимальной длиной в два метра и регулируемым углом наклона, с набором манжет для кардиодиагностики.

– Ничего себе, – задумчиво сказала Светлана. Она оценивающе взяла с пола самую тяжелую гантель, я такие в жиме лежа на спине поднимаю четыре раза, легко и просто покачала бицепс.

– Легковата... но для начинающего – неплохо. А плечи или грудь чем качаешь?

– Это и есть для груди, – огрызнулся я.

Она снисходительно улыбнулась.

– Ничего, для начинающего сойдет. Вообще-то для плеч бери на пару половинных блинов меньше, чем при жиме от груди лежа. А для рук вообще ставь половинки. Здесь у тебя два по пять и блинчики по два с половиной, еще гриф в два кэгэ... имеем по семнадцать на руку. Значит, на плечи – пятнадцать, да и то будет тяжеловато. А для руки большие блины скинь. Для начала хватит и четырех с половиной...

Коля вышел на кухню, слышно, как загремел посудой. Послышался шум льющейся воды. Светлана потрогала мой живот.

– А для этого что-то делаешь?.. Учти, женщины в мужчинах прежде всего ценят плоское рельефное пузо в шесть квадратилов. Еще лучше, если в восемь. Вот посмотри, как у меня... Нет, ты пощупай, пощупай!

Я нехотя подумал, живот у нее в самом деле, как вырезан из светлого дуба, но тугие мышцы скрыты тонким нежным слоем женского жирка, такого зовущего, что кончики пальцев ощутили зуд. Светлана сделала вид, что не заметила, как стыдливо отдернулась моя рука, на лице ничего не изменилось, но я ощутил ее тайное удовлетворение.

В другое время она потрогала бы меня и ниже, но между нами все еще Каролина, как вообще между мной и всеми женщинами мира. Остается уповать, как я видел по ее глазам, только на время, что все лечит, если не брешут.

– Знаешь, – сказала она с явными сожалением, – чувствую себя как тампакс: в хорошем месте, но в плохое время. Я бы с удовольствием позанималась с тобой...

С кухни донесся вопль:

– Володя, а как у тебя эта мудреная кофемолка запускается?

– Кофе нашел? – крикнул я.

– Я все нашел!

– Там на кофемолке сбоку зеленая кнопка... Слева.

– Ага, – слышалось довольное, – отыскал!

Донесся шум размалываемых зерен, Светлана повернулась ко мне. Глаза полны сочувствия и дружеского участия.

– Коля говорит, что иной раз за высокими моральными устоями жизни не видно...

– Это намек? – спросил я. – Знаешь, Света, скажу честно, у меня впервые в жизни появилась цель.

– А до этого?

– Да разве то цели? – перепросил я. – Накопить и купить мотоцикл. Заработать больше – поставить дисплей с диагональю на целый дюйм ширше. Накопить – купить тачку круче...

Она поощряюще усмехнулась.

– Все мужчины так живут. Во всяком случае, все те, кого знаю.

– Я тоже знаю только таких, – ответил я невесело. – Но есть же люди?... Есть же цели?..

– А какая цель у тебя?

Я оглянулся в сторону кухни, там звякает посуда и доносится веселый голос Коли. Он врубил плеер, телевизор и музыкальный центр, которого я не касался с того дня, как Каролина сказала о своей болезни, подпевает и, похоже, даже подтанцовывает со своей медвежье-слоновой грацией.

– Есть, – ответил я, – есть. Кому-то покажется смешной, кому-то – дикой... но теперь у меня цель есть.

Она сказала медленно:

– И как у всех мужчин, конечно же, грандиозная и далекая. Вот почему я так и не стала лесбиянкой. Люблю мужчин за эту наивную дурость.

На кухне Коля тряс рукой и дул на пальцы. Увидев нас, пожаловался:

– Вроде и неплохо физику знал, а вот забыл основной закон!

– Какой? – полюбопытствовала Светлана. Она захватила с собой семнадцатикилограммовую гантель и как теннисный мячик перебрасывала ее из руки в руку.

– Горячая джезва с виду такая же, как и холодная!

– Это все, – спросила она, – что ты запомнил на уроках физики?

Он не отрывал взгляд от темно-коричневой пористой поверхности в узком горлышке, еще не поднимается, но уже набухает, поинтересовался:

– Почему турок – мужчина, а турка – эта штука для кофе?

– Потому же, – ответила Светлана, – почему американец – человек, а американка – бильярд.

– А индеец человек, – обрадованно подхватил он, даже засиял, – а индейка – птица.

Она снисходительно улыбнулась в мою сторону, Коля в своей стихии, здесь с ним не тягаться. Он сразу же завалит сведениями, что поляк человек, а полька – танец, канадец – человек, а канадка – стрижка, знает и единственное исключение, так что если поддерживать разговор в этом направлении, мы получим такой ворох приколов, что не выкарабкаемся до утра.

Мы оба с удовольствием рассматривали ее точеную фигуру, когда она прошла вдоль полки, где выстроились пластиковые коробочки с глютамином, L-карнитином и даже ацетил-L-карнитином, всевозможные добавки и даже трехлитровая бадья с протеином в фирменной упаковке Твинлаба.

– Интересная подборка, – проговорила она задумчиво, – вроде бы не случайный подбор, но все равно не просекаю фишку. Работаешь на массу? Так надо больше креатина с антианаболиками. Если на силу, то у тебя совсем не вижу рибозы, а как без нее? Не забудь что-нибудь для суставов, им придется потрудиться в любом случае.

Я пробормотал:

– У меня несколько... иная методика.

– Развелось этих методик, – заметила она с неодобрением. – Все обещают без усилий и похудеть, и мышцы нарастить, и молодость обрести... Только, мол, купите наши препараты! На самом деле, пока не прольешь реки пота, ничего не получится. Смотри, не ловись на эти дешевые приемчики.

– Не словлюсь, – пообещал я.

– Многие ловятся, – сообщила она. – Всем хочется без труда да рыбку из пруда.

Я смотрел, как она снова с легкостью, не напрягаясь и не меняясь в лице, несколько раз качнула этой предельной пока что для меня гантелью бицепс. От плиты усиливается дразнящий аромат, я принялся, Коля угадал с количеством ложек, а Светлана сообщила деловито:

– Кофеин тоже сжигает лишний жирок, но в мышцы не переводит. Если хочешь, чтоб нарастали сухие мускулы, употребляй рибозу. Я дам адресок, где недорого и с качеством в порядке. А то подделок развелось и в спортивном питании...

Коля переставил джезvu на подставку, запах обалденный, деловито порылся в холодильнике. Оглянувшись, лицо обиженное.

– Издеваешься, – сказал он плаксивым голосом, – где твой второй холодильник?

– И этот великоват, – ответил я.

– А где мясо? Мясо где, спрашиваю?

– Мясо? – переспросил я. – Какой-то ты хищный...

– Человек – хищник, – ответил Коля гордо. – А у тебя даже колбасы нет!.. Ты не буддист, случаем? У тебя ж гастроном прямо под носом, там все есть. Я как-то заглядывал, одной буженины пять сортов!.. А какая баранина, какая баранина... Такой даже в Стокмане не отыщешь.

– В Стокмане есть все, – заступилась Светлана, – только подороже. Увы, там для состоятельных господ, а мы простенькие такие... господа.

Коля хохотнул:

– Мы там заметили в холле записку на доске объявлений: «Господа, не ссыте в лифте!» Есть у вас люди с юмором.

Он резко оборвал себя, лицо стало серьезное, мы все трое наблюдали за горячей коричневой струей, что заполняет по очереди три чашки. Закончив, Коля с глубоким облегчением вздохнул, лицо из умного снова стало нормальным. Он переставил с плиты на стол три тарелки с огромными бутербродами, увы – с рыбой.

– Черт-те что, – сказал он с неодобрением, – рыба, рыба... мы что, в пустыне?

– Там была манна, – напомнила Светлана.

– А рыба где? – удивился Коля. – Я ж помню, где-то рыба!..

– Рыба должна быть везде, – сказала Светлана и с удовольствием взяла бутерброд с толстым ломтем рыбы. – Хороша, хороша... Коля, ты не понимаешь... Спортсмен должен быть в первую очередь здоров... изнутри. Если печень барахлит, мускулатуру не накачать. Никак! Даже та, что есть, растает, как снег на горячей сковородке. А в рыбе ненасыщенные жирные кислоты, понял? Вероятность смерти от остановки сердца снижается втрое, а от инсульта – в девять раз!.. Володя все верно делает.

– Кто не курит и не пьет, – ответил Коля, – тот здоровеньким помрет! Я не враг своему здоровью, я ему соперник.

– Современные люди принимают добавки, – заметила Светлана. – Теперь этого уже не очень-то и стыдятся. Кое-где почти модно. В определенных кругах, конечно.

– Я ими не пользуюсь, – заявил Коля без особой жалости в голосе. – На дорогие не хватает денег, а на дешевые – здоровья. Да и вообще... Здоровый образ жизни улучшает здоровье, но ухудшает качество самой жизни, верно?

Она кивнула.

– Да, конечно. От некоторых радостей приходится отказаться. Но взамен получаешь другие...

Она выгнулась, закинув руки за голову, у нас обоих невольно перехватило дыхание. Могучая и полная грудь приподняла маечку так, что уже не только живот видно, но и выше, выше... а вон красиво вылепленный живот переходит в четко очерченные холмы, вершины которых скрыты майкой, талия настолько узка, что руки сами тянутся ухватить и проверить: в самом ли деле пальцы рук сомкнутся, а безукоризненные руки, юные и в то же время женственные, должны бы обнять за шею...

– Ты не шейпингистка, – заявил Коля. – Ты эта... как ее... фотомодель!

Она засмеялась, очень довольная.

– Эх, заглянул бы ты к нам, когда тренировки! Эти фотомодели качают такие штанги, не всякий пауэрлифтовик поднимет. От них пот ручьями, ибо стройные бесцеллюлитные ножки и попки так просто не даются! А на фото такие милые, женственные, мягкие, беззащитные...

– Здоровье, – сказал Коля, – это просто незнание своих болезней! Вон у меня был двоюродный дядя, так тщательно берег здоровье, что умер, ни разу им не воспользовавшись. Не понимаю, зачем так жить?

Он громко сёрбал кофе и с таким аппетитом пожирал бутерброд, что Светлана понимающе засмеялась и, спросив у меня взглядом разрешения, поднялась к холодильнику. Мы с Колей снова уставились на ее тугую зад в сверх-коротких шортах, больше похожих на плавки, выставляющих на обозрение ягодичы, похожие на поверхность огромных бильярдных шаров, такие же твердые, гладкие, без намека на целлюлит или возраст.

Она повернулась уже с куском рыбы в руках, в глазах смех, все понимает, все мужчины смотрят на нее одинаковыми глазами, сказала весело:

– Но зато с такой фигурой я могу быть полной дурой!

– Ты не дура, – поспешно сказал Коля. – Ты такая умная, что неудобно даже...

– Даже с такими вот формами? – удивилась она.

– Нет, – признался он честно, – когда смотришь на формы, то... Тогда не раскрывай рот! Или чирикай что-нить, будто блондинка какая...

– Так я и есть блондинка.

– Натуральная? – спросил он с недоверием.

– Самая что ни есть, – заверила она. – Вот вы все не можете понять, почему у блондинок корни волос черные... Посмотри, какие у меня! И корни белые.

– Чудовище, – заявил он убежденно. – Я не понимаю, как блондинка может быть и красивой, и умницей!

– Я прикидываюсь, – сообщила она.

– Блондинкой?

– Нет, умной. Это Альбине надо быть умной, а мне зачем? Сравни ее интеллект и мой бюст! Мой – круче.

Коля поспешно размолот зерен еще на три чашки, а Светлана, соорудив бутерброды, подошла к полке и снова уставилась на биодобавки оценивающим взглядом профессионала. Скорее всего, оценивает с позиций фитнесистки, хотя для меня прием добавок – возможность стареть в соответствии с заложенной генетической программой организма. То есть не опережая ее. А так как большинство ученых полагает, что генетический порог человека где-то на уровне ста двадцати лет – ста тридцати лет, то человек, принимающий эти штуки, должен прожить этот срок. Во всяком случае, такова теория. Даже не теория, а так... надежды.

По этим шатким гипотезам не доживаем только потому, что сами же укорачиваем дурными привычками и неправильным питанием. Ну, а если кто-то жаждет прожить дольше физиологически отпущенного срока, тот должен решиться на более серьезные меры. То есть на гормон роста, на ДГЕА, на ИГФ-3 и прочие рискованные, пока что и не проверенные временем методы.

Правда, может показаться, что гормон горста и прочее все равно не воздействуют на генетическую карту, но на самом деле ощущение такое, что все-таки происходит мощное омоложение организма. Возможно, генетические часы старения перезапускаются снова. Подтверждений нет, но до полной проверки и подтверждений дожить не так уж и просто.

– Неплохо, – заметила она со сдержанным одобрением. – Только слишком сильный крен в сторону здоровья. Вон три препарата для регенерации печени!.. Здоровая печень необходима, чтобы переваривать массу протеина и креатина, без них мускулатуру не накачать, но я что-то креатина не вижу вообще.

– Протеин есть, – сообщил Коля и указал на трехлитровую пластиковую емкость. – Вон. Какой-то суперочищенный! Из сыворотки. А может, Володя у нас не столько качается, сколько здоровье поправляет?

– Здоровье лучше всего поправлять физическими упражнениями, – возразила она. – Гантели, бег хотя бы по такой дорожке, если лень выйти и побегать в парке...

– Да и вообще, – сказал Коля. – Вон в нашей деревне один дед пил водку, как воду, курил самосад... все называли горлодером, ни один не мог выкурить такую самокрутку, а дед смалил по десять в день!.. И те, кто не пил и не курил, уже давно перемерли, как мухи на морозе. А тот дед, как написала мне мамаша, недавно на молодой девке женился в свои девяносто пять лет!..

Я смолчал, только кивал и улыбался, я же хозяин, с гостями спорить неприлично. Но достало, что когда упоминают какого-то долгожителя, то обязательно смакуют, что ел все, никаких диет, курил и пил не только вино, а еще коньяк и водочку. Про Черчилля непременно, как же без него, уже и не помнят, что был премьером или лауреатом Нобелевской премии по литературе, зато знают, что прожил девяносто лет, отличаясь необыкновенной тучностью, постоянно курил толстые кубинские сигары, выпивал в день бутылку бренди, схлопотал девять инфарктов, но все равно пил, курил...

Но никто не знает, да и не желает знать, что Черчилль раз в год ездил в Швейцарию в особую клинику по продлению жизни, где в течение двух месяцев проходил полный курс очищения и оздоровления, что он обязательно спал не меньше часа днем и не менял этого важного для укрепления здоровья правила ни при налете немецких бомбардировщиков, ни когда королева вызывала во дворец: да пошли они все, здоровье дороже! Кстати, в той клинике постоянно обновлялись Бернард Шоу, погибший в автокатастрофе, Соммерсет Моэм и еще куча народа, все они прожили дольше девяноста лет. Так что не надо про их вредные привычки. Шварценеггер не раз фотографировался с сигарой во рту, но на самом деле не курит и не пьет, но это народу совсем не интересно.

Мы выпили еще по чашке, а так мы не какие-нить европейцы сраные, что могут пить кофе просто так, да еще и без сахара, но у нас и сахара в каждой чашке на треть, и бутерброды в руках такие, что мускулы напрягаются. А если бы мы были еще и хохлами, то вместо рыбы у каждого на тонком ломтике хлеба лежало по толстому шмату сала.

– Хорошо выглядишь, – одобрительно заметил Коля. – Вообще, русский человек вынесет все, что Господь пошлет, и еще все, что плохо лежит.

– Качаюсь, – объяснил я. – Еще здоровье берегу.

Он спросил насмешливо:

– Ты что, хочешь жить вечно?

Я смолчал. На этот вопрос во все века и тысячелетия во всех странах и при всех режимах отвечали одинаково. И вопрос давно превратился в риторический, который не требует ответа.

Но я впервые готов был дать ответ, который Коля никак от меня не ждет. Ответ, который должен б прозвучать смешно...

И я смолчал.

Коля покосился в сторону телевизора, все-таки включил, но Светлана убрала звук до минимума, Коля всмотрелся в быстро мелькающие кадры хроники.

– Вот, – сказал он с возмущением, – американцам понадобилась нефть, и напали на Ирак. А если понадобятся балалайка, валенки и, страшно подумать, водка? Кстати, а почему это у тебя водки нет? Ты кто, горбачевец?

– Зато вино осталось, – сообщил я, защищаясь.

Он встрепнулся.

– Где? Я не нашел!

– Вон в ящике, – сказал я и указал пальцем.

Он с торжеством вытащил красивый деревянный футляр, а из него – литровую бутылку причудливой формы. Когда-то мне подарили, я такую красоту открывать не стал, спрятал в ящик, постепенно забыл, а при запое в помрачении лакал только водку из холодильника.

На столе появились три рюмки, Светлана свою тут же перевернула вверх дном, еще на службе, я помотал головой – нужно сегодня закончить срочную работу и сбросить по емэйлу, Коля вздохнул и налил себе одному.

– Ну вот, опять, нет повода не выпить. Жизнь прекрасна, удивительна, если выпить предварительно. Все взаимосвязано: живешь – хочется выпить, выпьешь – хочется жить. Года приходят и уходят, а выпить хочется всегда...

Светлана мягко улыбнулась, Коля неисправим, говорит будто фразами из расхожих анекдотов, но все от того, что человек чувствует ущербность своего языка, хотел бы что-то сделать, но не может, ума и образования не хватает, вот и украшает свои речи перлами из анекдотов, афоризмов, услышанных сентенций, и речь его уже ярче, интереснее, а то и остроумнее.

Коля вскинул рюмку и посмотрел на просвет.

– Красиво... Как будто смотрю на закат Европы. Хорошее вино! Вообще жизнь без женщин и вина бесполезна и скучна. Говорят, красное вино полезно для здоровья. А здоровье нужно, чтобы пить водку. Или я это уже говорил? С моим здоровьем я могу выпить больше пол-литра! И больше литра могу. И даже больше полутора!

– А меньше ста грамм слабо? – спросила Светлана.

Он обиделся.

– За кого ты меня имеешь? За лилипута? Думаешь, я не пробовал вообще бросать пить? Вот только дня три тому пытался бросить. Утром осознал: недобросил...

Она засмеялась.

– Плохо размахнулся?

– Не знаю, – признался он. – Наверное, потому, что я вообще-то на вещи смотрю трезво. А если смотреть трезво, то хочется выпить. Вон смотри, по новостям опять говорят, что Россия близка к самоубийству. Да мы и сами знаем, что без приезжих страна вымрет, с ними – развалится. Уже через десять лет число граждан России... не русских, а вообще граждан!.. сократится со ста сорока до сотни миллионов человек. Вымирающие окраинные территории заполнятся мигрантами из других государств. Уже вот-вот Дальний Восток станет китайским... А этих проклятых чучмеков я бы вообще всех перестрелял! Жили бы в своих горах, так нет же, поналезли...

– Ненавижу, – согласилась и Светлана. – Наглые, грязные, вонючие... и туда же: «Дэвушка, давай будэм знакомы!»

– Перестрелял бы, – повторил Коля, налил и снова выпил. – Хуже негров.

– Да и негров в Москве уже хватает, – снова согласилась Светлана. – Но чурок, конечно, больше. Куда смотрят наши бритоголовые?

– Надо бы как-то помочь ребятам, – сказал Коля. – Все им сочувствуем, а помочь, так языки втягиваем в задницы!

Я слушал его горячую речь, очень пылкую и насыщенную, не так давно и я заводился с пол-оборота, а сейчас как молотом стукнуло: да ведь если все пойдет так, как идет, то очень скоро, еще при моей жизни, на планете не останется ни русских, ни чернокожих, ни китаез, ни жидов, ни хохлов или кацапов, а еще исчезнут чурки, мусульмане, христиане, буддисты, синтоисты, сатанисты и даже язычники.

Будет единое человечество, а потом, потом...

Я отвлекся, с холодком в душе скользнул мыслями дальше, дальше, вздрогнув от громкого и чересчур оптимистично-обвиняющего тона Коля:

– Сегодня с нами ты не пьешь, а завтра Родине изменишь!

Он уже перевернул наши со Светланой фужеры и наливал красное вино. Я хотел было отказаться, затем вспомнил, как читал где-то, что красное вино укрепляет сосуды и снижает давление, смолчал. Светлана тоже не стала на этот раз противиться, ее красивые пальцы изящно обхватили длинную тонкую ножку.

– Утром выпью пива, – заявил Коля, – просто похмелюсь, днем еще добавлю, вечером нажрюсь...

– Где пиво? – спросила Светлана.

– Да это я так, – ответил Коля беспечно. – Как повяжешь галстук – береги его, он ведь от Версаче, стоит ого-го. А вот еще: из двух зол выбирай меньшее, из двух жоп выбирай большую... ха-ха, здорово? Одна голова хорошо, две – лучше, а три, как вот у нас, уже повод выпить.

Он снова налил в свой фужер, мы со Светланой отказались, он победоносно засмеялся, ведь пить – признак доблести, а кто отказывается, тот – ха-ха-ха! – здоровье бережет, как не стыдно? Люди, плюйте на него!

Я подумал, что человек, который не просто сам пьет, но еще и других уговаривает выпить, даже нажраться, пусть даже очень хорошим вином, не должен жаловаться на подростков, расписавших матюгами стены подъезда, а в лифте еще и насравших. При всей кажущейся разнице это в одном ряду. Взрослому человеку неприятен и даже враждебен вид опрятного подтянутого партнера, самому бы на его фоне выглядеть таким спортивным и молодежавым бизнесменом, который и на тренажерах, и в теннис, но как, если пузо через ремень, а морда от пьянства похожа на испорченное тесто?

Лучший способ – опустить партнера, уговаривая выпить, расслабиться, отдохнуть, оттянуться, побалдеть, махнуть на работу рукой: всех денег не заберешь, и все такое. Для этого и самому можно выпить, а еще больше рассказывать, как вот вчера нажрался, не помню, кто и домой меня привел, вот гудели, так гудели – чуть хату не спалили!

А его сын, глядя на такого лихого папу, точно так же бунтует против правильности и упорядоченности мира. По-своему. На своем уровне. Сейчас гордится, что насрал в подъезде и побил стекла в телефонной будке, а подрастет, будет гордиться, что может бутылку водки из горла, что в театре ни разу в жизни, что пьет и по бабам, и плевать на какую-то печень, один раз живем, в могилу ничего не утащим, гуляй, Вася, жги боярское имение и эти проклятые книги, от них глаза портятся, ломают компьютеры, от них дуреют...

Коля спросил встревоженно:

– Володя, что-то ты весь потемнел. Зуб болит?

– Да, – пробормотал я, – зуб.

– На меня? – спросил он догадливо. – Не сдерживайся, дай в морду. Может, отойдет? Но лучше Светлане, больше удовольствия! Все-таки бить женщину – это класс. А ей все равно, она как из дерева.

Я покосился на Светлану, она печально улыбается, словно видит мои мысли. Что роднило ее с Каролиной, обе не любили все эти глупости, которые называются драгоценности: золото, камешки, дорогие висюльки в ушах или кольца на пальцах. Разве что Светлана работала над фигурой и внешностью, а Каролина предпочитала компьютер помощнее, экран пошире и с хорошим разрешением, новую аудиоаппаратуру. Единственное, что на ней было из украшений, это всегда самый стильный плеер, мобильник с фотокамерой, часы с множеством разных функций.

– А мне говорили, – сказал Коля грустно, – не откладывая на завтра то, что можно выпить сегодня. Володя, если ты не будешь убивать время, оно убьет тебя. Начинать делать глупости нужно как можно раньше, тогда будет время их исправить, так что давай налью?.. Ну, как знаешь... Человек, любящий жизнь, не насилует ее своими мыслями. Он живет просто, безмятежно, как вот я.

Светлана поднялась, мы думали, что в туалет, но я слышал, как она прошла дальше в комнату, вышла на балкон, Линдочка ревниво потащила за нею следом. Слышен был тихий смех Светланы, она уверяла моего сторожа, что ничего не сопрет, ничего не разобьет, все останется в целости. И что вообще Линдочка – молодец, хорошая, очень хорошая собачка.

Линдочка бурчала, я слышал в низком недовольном рыке недоверие. Она и Каролину приняла с большим недоверием, только через пару недель начала с нею играть, приносить мячик, а когда я задерживался с поздними заказами, влезала к ней на постель.

Коля кивнул им вслед.

– А ты знаешь, ее прочат в руководители шейпинг-клуба.

– Ого, – сказал я, – выходит в бизнес-леди?

– Да, – согласился он, вздохнул. – Нет равноправия полов: женщину, стремящуюся походить на мужчину, называют красиво – бизнес-леди, а мужчину, стремящегося походить на женщину, – просто пидаром.

– Это ты стараешься походить?

Он обиделся:

– Почему я? Такой прикол. Ты что, приколов не понимаешь?.. Без приколов жить скучно. Вообще вся жизнь – сплошной прикол. Только понимать надо, что живем в нем, и станет легче, на все махнешь рукой. Как можно к приколу относиться серьезно?.. Ладно, засиделись мы у тебя. Проводишь до метро?

– А что, вы не на машине?

– Зачем, когда ты возле метро?.. мы ж, чудак, специально к тебе ехали! А у тебя даже водки нет.

С огромной неохотой я вышел, устояв перед просьбой Светланы взять Линдочку, пусть, дескать, прокакается к ночи. В ночи ярко полыхают огни реклам, цветные световые слоганы, блестящие машины бесшумно проскакивают по асфальту дороги, послушно останавливаясь перед красным светом. Пешеходы, правда, на указания светофора плюют, все с детства усвоили: переходя улицу, посмотри направо, а потом налево – нет ли милиционера, а потом переходи. У нас это бунтарство против правил уже в крови, в костях.

На Светлану народ таращит глаза и даже оглядывается. Слишком хороша для нас с Колей. Рядом с нею выглядим дворняжками.

Коля засмотрелся на яркую рекламу ночного клуба напротив. Оттуда вываливаются подгулявшие мужички с яркими женщинами, их усаживают в лимузины, слышатся понимающие

женские смешки, машины степенно вырывают на проезжую часть и уносятся по блестящему от разбрызганной воды шоссе.

– Хорошо живут, – вздохнул Коля. – А вот из Екатеринбурга поступило тревожное сообщение. Как сообщил корреспонденту первого телеканала пресс-секретарь мэрии, водки в городе осталось всего на два дня...

Светлана засмеялась, выходящие из ночного клуба к ней начали присматриваться.

– Ох, Светка, – сказал Коля, – как ты только одна ходишь поздно ночью... В городе столько озабоченных!

Она отмахнулась.

– Если попадется симпатичный, я его сама изнасилую. Но это если попадется. А так везде одни уроды.

Коля вздохнул печально.

– И уродам хочется тебя... потрогать. Город, увы, это огромное сообщество, в котором люди одиноки вместе.

Она покачала головой.

– Я не одинока. У меня мой фитнес-клуб! Он мне заменяет и семью, и родню... Ну ладно, ребята, вот подходит мой поезд!

Вдали на эстакаде зажглись огоньки, Светлана припустила к станции, нужно еще успеть проскочить через турникет и взбежать по лестнице, Коля заорал и помчался следом.

Обратно топаю быстро, автоматически придерживаясь правила «левой руки», то есть иду по правой стороне тротуара, пропуская незримых встречных пешеходов слева. Так, как будто у меня на левой руке щит, которым настороженно прикрываюсь от встречного, пропуская его слева, а в правой руке у меня обнаженный меч. Идущий навстречу, понятно, тоже прикрывается щитом, а в другой руке держит меч.

Это правило, как уже понятно, стихийно возникло много тысяч лет тому, но сколько этого тупейшего быдла, что до сих пор не усвоили это правило и прут, вытаращив глаза перед собой, не важно, правая или левая сторона? Их толкают, пинают, а они ругаются, что вот какие пошли некультурные люди.

Повбывав бы!

Видимо, этот мусор останется в прошлом, немыслимо, чтобы и эти человеческие отбросы получили бессмертие или хотя бы действительное долголетие. Вот этим дебилам и надо проповедовать, что жить надо по-мужски: то есть пить, плясать и помереть как можно раньше. Лучше – от передозировки, это романтично. Или захлебнувшись блевотой при перепое, как мужественный и неустрашимый Аттила, бич народов, гроза и потрясатель Европы.

Вернувшись, пришлось выдержать стремительный натиск Линдочки, бедняжка ухитрилась встать на задние лапы, как пудель, и, подпрыгивая, старалась лизнуть в лицо. Я подхватил ее на руки, поцеловал, она трепыхалась в моих объятиях и уверяла, что чуть не умерла от горя, когда я бросил так надолго в пустой и ставшей сразу чужой квартире.

Полка с биодобавками забита, блестящие баночки и коробочки с яркими наклейками назойливо привлекают внимание, просятся в руки. Конечно, как говорит Светлана, можно вообще обойтись без этих препаратов, если жаждешь жить здоровой жизнью, отдалить старость. Таскать гантели, бегать хотя бы на беговой дорожке, соблюдать диету, правильно дышать, отказаться от всех вредных привычек вроде регулярных и бесцельных выпивов, не переедать – все это даст солидную прибавку к жизни лет эдак на двадцать, а то и на сорок.

Конечно, это не спасет от рака, диабета, болезни Альцгеймера, но все-таки отдалит на десяток-другой лет. Словом, я смогу прожить сто лет. Так что если сейчас 2006-й, то, учитывая, что уже истратил из отпущенного мне срока четверть, помру в 2082-м. Правда, могу и не

прожить ста лет, нет еще таких статистических данных, может быть, организм все-таки как-то взбунтуется и такого слишком «правильного» сам как-то угробит. Намного раньше.

Но если пользоваться добавками, то есть и обещанный шанс, что проживу намного дольше. Если не до самого бессмертия, то до продления жизни на очень долгие сроки. Правда, добавки – только обещание продления жизни. На самом деле никто ими еще не пользовался в течение жизни. Может быть, если попить с десятков лет, то умрешь от них в куда больших корчах, чем от рака?

Словом, большинство населения относится к биодобавкам с предубеждением, что и понятно. Я сам им не очень-то доверяю и не люблю, но они дают мне шанс выполнить то, что я задумал, потому буду принимать их столько, сколько нужно. И ничто меня не остановит.

– А тебе дать гормона роста? – спросил я. Линдочка повиляла хвостиком и сообщила преданным взглядом, что из моих рук съест все. – Правда, вырастешь со слона... С другой стороны, чем раньше начнешь, тем лучше...

Высыпал ей в мисочку горсть сухого корма и, пока она громыкала и звякала ею, подсел к компу. Судя по прессе, а теперь пресса – это Интернет, обычные новости на бумаге смотрят только старики, их уже не переделать, так вот Яндекс выдал, что за самую высокую продолжительность жизни спорят Швеция и Япония. Для меня существенно, что среднестатистический швед, доживающий до 84 лет, начал использовать добавки где-то лет в 60. Он и раньше бы рад, да тогда были только диеты да пробежки, теперь же со всеми средствами продления жизни двадцатипятилетний швед проживет все сто лет.

А где швед, там проживу и я. К тому же медицина каждый год открывает новые пути, дороги, тропки. Порой – рискованные. А порой – очень рискованные, зато обещающие очень много. Главное же в том, что окончательная победа над старением в самом деле если не близка, то ее можно рассмотреть и даже, если очень постараться, можно дотянуть до ее прихода. Те миллиардеры, которые прожигали сотни миллионов на покупках ненужных островов или картин Тициана, те сумасшедшие деньги теперь вложат в исследования по продлению жизни. В награду получают шанс дожить до бессмертия лично.

Когда чистил зубы на ночь, из десен снова начала сочиться кровь, на которую не обращаю внимания вот уже пару лет. Или больше, мужчины не очень-то обращают внимание на такую ерунду, как и не впадают в панику, когда увидят новую морщинку на харе или седой волос.

Я промыл щетку, сполоснул рот, зубы как зубы, трех уже нет, шесть с пломбами, что выпадают всякий раз, если начну жрать ириски или что-то подобное.

– Завтра, – сообщил я Линдочке, – тебе придется полдня побыть одной.

Она жалобно скульнула, а когда я лег и выключил свет, так долго сидела рядом и смотрела преданными любящими глазами, что я наконец спросил раздраженно:

– Ну что тебе?

Она скульнула снова.

– Этого делать нельзя, – сказал я зло, – не понимаешь?

Не понимаю, ответила она взглядом и вилянием хвостика. Ну вот не понимаю, хоть убей, почему нельзя. Разве я не замечательная, как ты говорил?

Я закрыл глаза, полежал, а когда открыл, она все так же сидит в темноте, как суслик, и смотрит мне в лицо.

– Ладно, – проворчал я, сдаваясь, – залезай! Но только сегодня.

Она моментально запрыгнула, прижалась к моей спине, засопела в ухо. Слезы навернулись на глаза сами по себе, я старался сдерживать рыдания. Линдочка тяжело вздыхала, пару раз лизнула за ухом, сладко засопела. Очень медленно горечь отступила, я провалился в тяжелый сон.

2007 год, 15 сентября

Сегодня со страхом заметил, начали отслаиваться ногти. Одно время расслаивались, но теперь куда хуже: отделяются, как крылья жука. Сперва по углам возникли широкие карманы, куда забивается грязь, я попробовал привычно почистить зубочисткой, с неудовольствием обнаружил, что карманы гораздо глубже. И вообще пустоту делает сама зубочистка, ноготь охотно отделяется от мякоти при самом легком усилии.

Поспешно начал глотать желатиновые капсулы, удвоил поступление кремния и магния, они вроде бы усиливают, добавляют, укрепляют и все такое, но что случилось, то случилось: отслоенное не вернешь, пришлось обращаться с руками крайне осторожно, пальцами двигал, словно они из хрупких сосулек. Модница так не бережет свеженакрашенные лаком ногти, как берег их я.

Два месяца я подгонял взглядом рост ногтей, очень осторожно срезал, панически страшась повредить еще больше, наконец пошли уже здоровые ногти, приросли так, что оторвать можно только с мясом. Как, впрочем, и должны.

Закончилось с ногтями, но не успел перевести дух, как однажды среди ночи проснулся от того, что остервенело скребусь ногтями, будто собираюсь разорвать грудь, как сделал некогда Данко. Зудит все тело, а во сне я ухитрился расцарапать грудь до крови. Сам виноват, не читаю о противопоказаниях и побочных реакциях, но кто из нас дочитывает инструкции до конца? Абсолютное большинство вообще в них не заглядывает, это пусть немцы все по уставу и инструкциям, а мы... лучше уж потом почешем затылки. Да и не только затылки.

В зеркале отразилась вспухшая красная, как луна перед грозой, морда, багровые царапины на груди, засохшая кровь. Хороший у меня сон, не проснулся, хотя разодрал почти до мяса. Надо, кстати, ногти постричь, а то по деревьям можно лазить, как медведю за медом.

2007 год, 1 декабря

Анализы дали тревожную картину, но я выслушал, не дрогнув. В моем организме в самом деле такое творится, что все медицинские приборы зашкаливает. Я пытаюсь изменить биохимию организма, но он – гомеостат, потому стремится вернуться к исходному положению. Какие-то препараты поспешно выводит, какие-то расщепляет на составные и часть усваивает, как безвредные вещества, часть выводит через почки, нагружая их так, что моча темнее пива.

Гораздо тревожнее, что в печени и в желудке обнаружилось новообразование. Этим эвфемизмом врачи начали заменять пугающее слово «опухоль», как в свое время безобидным словом «опухоль» заменили слово «рак», от которого мурашки по коже. Новообразования пока невелики, можно понаблюдать, но если между ними есть связь, то...

Врач умолк, не все можно брякать пациенту, но умному достаточно, а здесь и не умному ясно, что прозрачно намекивают на метастазы. Медлить нельзя, я пошел, даже ринулся на дополнительные анализы и обследования. На увеличенных снимках опухоль в печени видна отчетливо, еще больше – на стенке желудка.

– Чем это грозит? – спросил я.

– Пока только начинается перерождение доброкачественной опухоли в злокачественную, – ответил врач. – Рекомендуем интенсивную химиотерапию. У вас организм здоровый, сеансов пять выдержите, а за это время уберем эту гадость без следа. Нужно будет только в течение пяти лет раз в год проходить обследование.

– Последствия?

Он сдвинул плечами.

– Волосы вылезут, потенция упадет, еще какие-то мелочи, но о них ли думать, если на карте жизнь?

– А что насчет операции?

Он снова пожал плечами.

– Пока нет ясных показаний. А у нас и так очередь на операционный стол.

– А за отдельную плату?

Он покачал головой.

– У нас с этим строго. Вам проще обратиться в частную клинику. Но, предупреждаю, это очень большие расходы.

– Спасибо, – сказал я.

Да, судя по моей одежде, не скажешь, что я уже из обеспеченного класса и зарабатываю вполне достаточно, чтобы скопить на покупку приличного особнячка в элитном районе. В самом деле, как говорит шеф, надо сменить имидж. Хотя бы костюм заказать от Версаче, а то вечно в потертых джинсах, словно подсобный рабочий.

В частной клинике все по высшему разряду, по кабинетам бродить не пришлось, провели под ручки всего в два, нужные снимки сделали за пару минут, предъявили, все показали и объяснили, после чего дали время для решения.

– Желудок оперируем, – сказал я, – за печенью... пока последим.

И опять никаких вопросов или уговоров: если клиент платит, он всегда прав. На следующий день меня промыли так, что чувствовал себя пустой шкурой, уложили на стол и очень тонкими иглами, таких никогда не видел, ввели обезболивающее. Я попросил разрешения наблюдать за процессом операции, и зеркало над операционным столом чуть сдвинули, чтобы я не пропустил ничего забавного.

Я бодрился, но в груди пусто и холодно. Жил бы, как все, никаких бы опухолей, никаких затемнений, изменений, диспропорции, нарушения функций. Добавки, все добавки...

Скальпель вспарывает брюхо с неприятным треском. Хирург сосредоточен на операции, но одна из медсестер постоянно поглядывает на мое лицо, спросила торопливо:

– Может быть, все-таки зеркало закрыть?

– Не... надо... – прохрипел я.

– Зрелище, – сказала она жалостливо, – не для слабонервных...

– Я не слабый...

– Завидую, я бы не смогла!

Я ощутил себя чуть бодрее. Приятно видеть еще более слабых и трусливых. И не важно, что может просто прикидываться трусливой, чтобы я чувствовал себя могучим и отважным, все равно приятно.

– Что делать, – ответил я чуть увереннее, – надо привыкать. Это будет первая, но не последняя...

Она спросила:

– Почему?... У нас прекрасные хирурги. Все будет хорошо.

– Да, – ответил я, – но операций будет еще много.

Судя по ее лицу, подумала про пластические операции, какие еще могут быть, человек с вырезанным куском желудка так же здоров, как и все остальные, разве что лишен возможности обжираться на званых приемах, где на халяву можно набить брюхо на неделю вперед. Но это поначалу, потом желудок растянется, и снова можно в три горла, это же одна из трех главных радостей жизни!

Живот вскрыли, жуткое зрелище, никогда бы не подумал, что во мне столько требухи и кишок. Вообще-то знал, но знать одно, подумать – другое, я всматривался, как все это выглядит, чтобы потом, когда буду вгонять во все эти митохондрии кремний и магний, представлял себе, что это такое, как выглядит и как должно измениться под воздействием. Да, под воздействием.

2007-й, 15 декабря

Прекрасная новость под конец этого года, 2007-го: начались работы над новым типом диска, который будет вмещать по меньшей мере полтора терабайта. Это даже не хард, а обычная лазерка! Народ только начал переходить с сюдюков на дивидюки, а на лазерных дисках, которые поступят в продажу уже в 2010-м, будет помещаться по 300—500 нынешних дивидишечек. Про сюдюки к тому времени вообще забудут, как про каменные топоры.

И еще одна многозначущая деталь: в Intel оптимистически заявили, что в 2010-м они создадут настолько производительный процессор, который будет эквивалентен быстродействию мозга шмеля!

Все лекарства и околولةкарства делятся на четыре группы, А, В, С, D. В первую входят все те, что проверены во всех странах и ведущих клиниках, везде получены точные результаты, что позволяют с уверенностью рекомендовать к применению. Во вторую входят лекарства, апробированные в одной стране, но пока не проверенные в других. В третью входят те, что получены в какой-то лаборатории и прошли испытания в небольшой клинике на небольшой группе пациентов, но данных по которым еще нет. Ну, а в четвертую группу входят все непроверенное, но в принципе могущее как-то, возможно, в какие-то случаях помочь при определенных обстоятельствах, однако данные клинических испытаний отсутствуют абсолютно.

Так вот БАДы принадлежат именно к четвертой группе.

2007 год, 20 декабря

В вагоне метро, стоя, рассматриваю с насмешкой всех, кто бросается к освобождающемуся месту и поспешно всаживает задницу в щель между такими же задницами. Почему? Неужели изнемогают от усталости? Нет, парни молодые. Но свободное место на лавке – это же возможность «занять место» и не дать его занять другому. Да, соль именно в этом. Не дать другому. Опередить. Это как будто успеть раньше занять какую-то важную вакансию.

Я уступил место женщине, достаточно еще молодой, чему она несказанно удивилась. И все время посматривала на меня в нетерпеливом ожидании, когда же начну клеиться, не мог же я уступить место «за так».

По эскалатору бежал вниз, а вверх поднимался быстрым шагом, в то же время молодые парни, едва ступив на эскалатор, застывали, чтобы не сделать лишнего усилия, не шагнуть, ведь лента все равно принесет их к месту.

Это как раз те, которым всю жизнь копать в дерьме. Сейчас это подростки и молодые мужчины, но пройдут годы, и они, вот эти берегущие усилия, страшась, чтобы не переработаться, так и будут копать в дерьме до старости. Именно потому, что страшатся переработаться. Именно потому, что боятся сделать лишнее усилие.

Да, им копать в дерьме, и умрут в дерьме... те, кто еще раньше не сопьется, не умрет от передозировки, кого не убьют собутельники за стакан водки. Вот они и не входят в «золотой миллиард». Именно потому и не входят, что страшатся перетрудиться.

И, честно говоря, вот такое я чудовище, мне ничуть не жалко будет оставить их в прошлом. Оставить умирать. Правда, не от чумы или оспы, а от старости.

2008 год

Сегодня снова был на медобследовании. Врач с ленивым любопытством выслушал о биодобавках, поинтересовался, а на кой хрен мне все это надо. Сравнительно здоров, а чего еще, вот вся Россия больная – и ничего, пьет, гуляет, в ус не дует. Я заискивающе пояснил, что в моем роду все вообще-то постоянно болели и рано умирали, потому мне хотелось бы, как бы сказать, пожить хотя бы чуточку дольше родителей... и не начинать страдать от всяких артритов и воспалений желчных пузырей, начиная с сорока, а то и тридцати лет.

Он пожал плечами, послал на анализы. Пришлось приходить рано утром натошак, крови нацедили столько, что ощутил легкость в голове, как у Хлестакова. Когда через три дня пришел за результатом, оказалось, что не сделали самый главный, на онкологию. Медсестра обиженно пожалала плечами: на онкологию, оказывается, сдают в отдельную пробирку, которую отправляют совсем в другую клинику, а здесь на месте такие анализы не проводят. Да и на каждый вид рака – отдельный анализ, а их столько – вы разоритесь, да и зачем вам это...

Злой, я же именно за этим анализом и пришел, я дал нацедить из себя снова крови, прошла еще неделя, а когда наконец пришел к терапевту, он долго рассматривал снимки, листки с анализами.

– В целом, – проговорил задумчиво, – очень даже хорошо... Вот только это затемнение в печени... гм... лучше все-таки пройти повторные анализы...

Я воскликнул:

– Повторные? Да я от этих едва не загнулся!

Он сказал успокаивающе:

– Да теперь все будет просто. Нужно посмотреть только вот это место повнимательнее. Это не займет времени. И кровь из вас цедить не будут.

Все еще сомневаясь, я пошел на повторный. Анализы, просвечивание, глотал всякую гадость и снова становился, ложился, принимал разные позы перед просвечивающими меня насквозь аппаратами.

Врачи совещались, на меня поглядывали осторожно, говорили шепотом. Наконец вынесли вердикт, что в моем организме пока еще нет злокачественных образований, но слишком много опухолей, которых просто не должно быть у двадцатилетнего парня.

Дескать, чем я загнал свой организм, как безжалостный всадник лошадь. И если так буду продолжать, то...

2009 год

Чуть ли не каждый день просыпаюсь со страшной мыслью, что у меня рак. Хуже всего то, что он у меня в самом деле. Помню, еще тогда, в ту страшную ночь, читал, что рак почти у каждого взрослого человека, но сейчас пока что раковые клетки только группируются, образуют крохотные узлы, которые через несколько лет дадут метастазы, и тогда уже не спастись никакими силами.

У стариков рак развивается настолько медленно, что врачи практически никогда не принимают мер, ибо человек раньше умрет от старости, чем задушит рак, но чем моложе, тем рак идет быстрее, а в юности вообще стремительно: человек сгорает за несколько недель, в то время как в сорок лет – за два года, а в шестьдесят – уже за десять. Цифры, понятно, усредненные, но все равно мне хреново: мне всего тридцать, а раковые клетки во мне уже есть, уже собрались в узлы, уже растут.

Одна надежда на медицину: изо всех лабораторий сообщают о победных опытах, о благополучных экспериментах. Везде обещают, что через пять-семь лет рак будет окончательно побежден.

Вот только протянуть бы эти пять-семь лет без метастаз. Уцелеть бы в этот период, а потом...

Природа отчаянно сопротивляется слишком долгой жизни. Любой созданный ею организм должен выполнить главную задачу: дать потомство, а потом сдохнуть, чтобы освободить ареал, где кормился. Иначе не останется места для прокорма потомству. Но только у одних это происходит сразу же после спаривания, как у пауков или богомолов, когда оплодотворенная самка съедает «ненужного» больше самца, или у лососевых, которые умирают, выметав икру, но у млекопитающих младенцы рождаются такими беспомощными, что старшее поколение должно некоторое время кормить, учить охотиться или, напротив, прятаться от хищников и уже потом строго по плану откинет копыта.

Дольше всего взрослеет детеныш человека, его нужно научить не просто самостоятельно есть, пить и ходить, но еще и помочь пройти сложнейшую систему обучения в детском саду, школе, вузе... но потом родители становятся обузой, младшее поколение само их отторгает, старается жить отдельно, как происходит в популяции любых животных. У людей продолжительность жизни увеличилась за счет того, что на них зачастую ложится еще и забота о внуках, но это уже весьма слабая привязка к жизни и ее оправдание.

Таким образом для природы нет никаких обоснований в долгой жизни человека. Ученые наивно полагали, что если суметь выключить «механизм старения» тем или иным способом, то человек будет жить вечно. Ну, разве что метеорит упадет на голову, так как в страхе за жизнь будет ездить по дорогам в танках. Увы, вот сейчас в лабораториях ученых начинаются первые, пока еще робкие, шажки по продлению жизни, по отдалению старости...

Я потер ладонями лицо, задумался. Как не понимают, что пока мы – люди, этот механизм не отключить. Вернее, пока мы – животные. Ведь на самом деле что такое люди, как не животные, научившиеся говорить, читать и писать, а также пользоваться столовыми приборами? В остальном мы ничуть не отличаемся от животных: все стремления и цели абсолютно одинаковые. Да и генетический код с обезьянами в нас настолько один в один, совпадает на все сто процентов, что специалисты ошарашены: а почему же они – обезьяны, а мы – люди?

Страшноватый выход только один... Да, слишком страшноватый. Хотя я сам себя и называю самым крайним экстремистом в этой области, однако даже для меня это страшно, жутко. Если суметь отказаться от биологической составляющей, то что станет с нами? Захотим ли

жить вообще? Ведь стремление жить – это самый мощный инстинкт, заложенный столь глубоко, что даже в самой примитивной амебе он есть.

Жаль, правда, что начиная с той же амебы заложен и приказ умирать: та же амеба, давая жизнь двум другим, сама умирает, исчезает. Можно ли отключить только второй механизм, если они с первым одно целое?

Звонок в прихожей, на большом экране улыбающаяся физиономия Коли, он прикладывает палец к сенсорной пластине входной двери в подъезд.

– Привет! – сказал он. – Это я, ликуй!

– Ликую, – буркнул я и дал сигнал двери впустить. – Прямо в пляс пойду.

Пока Коля проходил через холл, где его просматривают автоматы на предмет взрывчатки, химии или наркотиков, я попытался сообразить, что ему надо, и лишь когда он вошел в лифт и тот устремился вверх, я подумал о молчаливом стоворе компашки Аркадия: все видели, как тяжело я принял уход Каролины, как-то договорились не выпускать меня из виду, заботиться, присматривать, помогать. В первый год раздражало, на второй начало смешить, потом сообразил, что это им самим нужно больше, чем мне: общая забота объединяет, потому лишь и не рассыпалась компания, как рассыпаются со временем, живут общей заботой: как бы удержать этого слесаря от пьянства, наркотиков, самоубийства, вообще от всего плохого, чего так много на их слесарином дне.

Коля явился веселый, шумный, размашистый, облапил меня, принялся, скривился.

– Опять трезвый!.. Ну ты даешь! То не просыхал, а теперь засох, как дождевой червячок на солнце!.. Да и ликования что-то не зрю на твоём обезображенном интеллектом лице.

– В самом деле? – удивился я. – Я вообще-то все тот же ремонтник. Разве что уже повыше рангом...

– Ну да, рассказывай!

Он прошелся, как обычно, перед полкой с добавками, их стало еще больше, присматривался критически, морщился с неудовольствием, словно я вот прямо перед ним облажался, как никогда, наконец спросил напрямик:

– Делаешь ставку на то, что будешь жить вечно?

– Да, – ответил я так же прямо. – Делаю.

– Володька, чудак, а ты хоть понимаешь, что шансов у тебя нет? Как и у никого из нас?

– Почти, – сказал я.

– Что «почти»?

– Почти нет шансов, – пояснил я. – Почти.

– Все равно!

Я покачал головой.

– Для меня – не все. Какая-то доля процента все же есть. Понятно, если все карты лягут в самой выигрышной комбинации. Не будет войн, а технический прогресс будет переть по нарастающей, вовремя откроют средства для продления жизни еще на десять лет... еще на двадцать... а потом, когда буду на краю могилы, но еще живой, сумеют отключить «ген смерти».

Коля фыркнул.

– Уже подсчитано, что простейшая операция на генах будет равна стоимости трех авианосцев. Что-то около трехсот миллиардов долларов.

– Цены упадут, – сказал я.

– Но не настолько же, – сказал он твердо, – чтобы могли воспользоваться и мы.

Я развел руками.

– Как знать, насколько упадут. Ты знаешь, что цена транзистора упала в... миллиард раз? Во всяком случае, если окажусь прав, то выигрыш будет просто невероятным. Так что я продолжу, если ты не против.

– Да кто против, – ответил он благодушно. – Если тебя это отвлекает, дает силы, то всегда пожалуйста! Просто когда-то нужно начинать и жить. Понятно, годы идут, поневоле и сам начинаешь думать о всяком разном. О жизни и смерти, о поисках эликсира бессмертия. Но все-таки я, покопавшись в памяти, вспомнил, что умерли и Аристотель, и Ньютон, и Гаусс, и любимый мною Маяковский... так чем я лучше?

Он смотрел непривычно серьезно и пытливо, словно в ожидании ответа или опровержений, но если человек решил, то решил, переубеждать глупо, да и надо ли оно мне, я лишь развел руками.

– Времена были другие. Не думаю, что Аристотель, Ньютон или даже Маяковский отказались бы от бессмертия. Тем более что Маяковский прямо писал: «Воскреси! Свое дожить хочу!»

– Но только дожить, – напомнил он. – Он хотел лишь прожить полноценную жизнь, оборванную его пулей в молодости.

– Я тоже хочу прожить полноценную, – пояснил я. – Только моя полноценная должна прекратиться тогда, когда сочту, что пора прекратить. А не тогда, когда в разгар бурной деятельности работает ген смерти.

Он вытащил меня из квартиры почти силой, машина припаркована там же, где когда-то приткнул Аркадий, но Коле повезло меньше: за это время успели слегка поцарапать бок. Он разразился таким отборнейшим матом, что попрятались даже наши любители футбола, а когда вырулил на шоссе, еще некоторое время отводил душу, проклиная дороги, дураков на дорогах и дураков, что строят дороги.

У Аркадия собрался весь цвет нашей тусовки, меня поприветствовали как самого дорогого гостя. Впрочем, как иначе: на мне многое держится, было время, когда здесь только и говорили, как меня вытянуть из бездны, строили планы по спасению и даже расписывали деловито дежурства, чтобы постоянно держать меня под контролем.

Трудно найти лучшее средство объединить людей, чем дать им ощутить свое превосходство и позволить участвовать в спасательных работах. Хотя, если честно, они в самом деле спасли и держали меня на первом этапе, а потом я уже делал вид, что все еще держится на них и что без них мне снова кранты.

Коля принес коньяк и шампанское.

Я пить отказался, Коля наябедничал, что у меня биодобавок даже прибавилось, пришлось некоторое время выслушивать со всех сторон, какое это грандиозное жульничество, что на самом деле эти порошки и пилюли только вредят, а если и не вредят, но и пользы не дают, а платить приходится дорого, и что вообще это какое-то помешательство...

В этом месте начали переглядываться, умолкать смущенно, только Аркадий продолжал картинно бушевать в праведном гневе, глаза сверкают, даже волосы вспушились, я не поверил глазам: там начали проскакивать мощные электрические разряды.

В прихожей раздался звонок, я вздохнул с облегчением, Светлана всегда опаздывает и всегда спасает меня от поучений и указаний, как жить, что делать и каким нормам следовать. Правда, сама...

Пока я вылезал из-за стола, Аркадий и Жанна уже поцеловались со Светланой, выскочил из комнаты и Коля, шутовски приложился к ручке, потом поцеловал дальше, дальше, а когда добрался до локтя и начал жадно поглядывать на ее вызывающую грудь, Светлана расхохоталась:

– Коля, Коля!.. Я же знаю, что в подметки не гожусь тем виртуальным красоткам, которых ты творишь!

– Светочка, – воскликнул он, – ты бы знала, с кого я их делаю!

Они похохатывали, перешучивались, я подумал, что сперва люди перестали стесняться вставных зубов, перестали скрывать, что прибегают к услугам пластической хирургии, а теперь

и последняя твердыня пала. И мужчины, и женщины без смущения рассказывают о занятиях виртуальным сексом с голографическими персонажами, только что не вдаются в подробности. Пока что. Как только инженерам удалось наладить передачу тактильных ощущений, сразу же армия любителей виртуальных радостей возросла во сто крат. Социологи говорят, что абсолютно все мужчины сразу же попробовали заниматься сексом с виртуальными персонажами, большинство с первого дня предпочло их женщинам, и лишь немногие придерживаются старых правил, однако даже эти пережитки прошлого время от времени оттягиваются в виртуале.

Причем, как утверждают многие исследователи, именно эти ригористы чаще всего прибегают к нестандартным вариантам: совокупляются с инопланетными тварями, гномами, эльфами, гигантскими пауками или ящерами...

Коля подхватил Светлану под руку, пытаясь увести на балкон, она со смехом высвободилась и подошла ко мне, одновременно спортивной и в то же время дразнящей походкой, истолковывай как хочешь, преподает и стрип-пластику, основу танцевального стриптиза, так что умеет двигаться и улыбаться обворожительнее Колиных персонажей.

– Володя, прекрасно выглядишь!

– Спасибо, – ответил я, – а о тебе даже боюсь сказать...

– Так ужасно?

– Нет, просто слов не подберу.

Она засмеялась, довольная, поцеловала в щеку, задержав губы чуть дольше обычного, чтобы я оценил и прочувствовал прикосновение ее горячей зовущей груди.

Вообще-то они гордятся не так уж и зря: все их общество выше меня, так сказать, по классу. Аркадий – доцент, Михаил – кандидат наук, и Леонид – доктор наук, у всех остальных – высшее образование, да не простое, а полученное в элитных вузах, Настена даже закончила Сорбоннский универ. Только я единственный с незаконченным, в свое время учился в Бауманке, но бросил из-за финансовых трудностей.

Это Каролина, у нее тоже высшее, меня туда ввела, ремонтник всякой бытовой техники, а теперь вот я с их настойчивой помощью, как они полагают, поднялся до главного компьютера фирмы, правда, фирма далеко не гигант, но все же стал им, так сказать, вровень. Не в смысле образования, а по занимаемой должности. По должности я сейчас, пожалуй, выше даже доцента Аркадия. У меня и народу в подчинении больше, и оклад втрое выше. Если не впятеро.

– Ты совсем не пьешь? – спросил Коля с подозрением. – Может, тебе ампулу вшили?

– Да вроде нет, – ответил я.

– Вроде – это как?

– Не пью, но все еще удивляюсь, что не пью.

– Значит, можешь?

– Но не хочу.

Он взял бутылку и посмотрел на свет.

– Как можно не хотеть такое пить? Не понимаю. Вот до чего доводит праведная жизнь. Зачем такая жизнь? Все равно умрем, так чего же всего беречься?

Аркадий услышал, повернулся к нам.

– Володя, ты все еще потребляешь эти подделки?

– Почему же подделки, – пробормотал я, – если бы только подделки, кто бы их брал? А так производство растет, растет... Люди ощутили вкус к здоровью.

Коля сказал с азартом:

– Неужели все? Неужели поддельные? А расскажи!

Он явно провоцировал, я сделал вид, что занят салатом из капусты и не слушаю.

– Все! – заявил Аркадий победно с видом христианского мученика, абсолютно уверовавшего в собственную правоту. – Вчера показывали по жвачнику, как еще одну банду накрыли!

Какой склад у них, какой склад... Там самолеты можно ставить! И все это заполнено ящиками с поддельными... этими самыми биодобавками.

Коля спросил громко:

– Значит, ты, Аркадий, вроде бы не самый дурной на свете, покупать такое не станешь?

– Ну нет, – отрезал Аркадий с неподдельным возмущением. – Ни за что! Чтoб я кормил этих жуликов, покупая их... безобразия? Да ни за что!.. Ну ни за что!

Леонид прислушался, на лице явное сомнение, заговорил с некоторой нерешительностью:

– В свое время я специализировался по Гете... Так вот он, написавший на старости лет «Фауста», на самом деле в молодости много лет потратил на поиски эликсира бессмертия. Даже собственную алхимическую мастерскую создал!.. И тоже полагал, что осталось вот-вот, но не больше чем десять лет, и бессмертие с вечной молодостью будет получено. Увы, эту мечту пришлось воплотить в поэме... Но бессмертие искал не только Гильгамеш. Его на полном серьезе искали и Гален, и Ко Хуан, и Авиценна, и Роджер Бэкон. Самое интересное, что все они, опираясь на достижения своей эпохи, отвечали уверенно: «Через десять лет найдем рецепт бессмертия!»

Он говорил уверенно, но глаза грустные, мерзкий холод пробежал по моей спине. Леонид умен, знает, что говорит. Вполне возможно, что бессмертие хранится у природы в той же коробочке, где и термоядерный синтез. Сколько я себя помню, о нем говорят, что вот-вот будет достигнут. Да что там я, отец мой с детства слышал заверения, что термоядерные станции пустят вслед за атомными. И что термоядерные будут намного экономичнее, так что сразу вытеснят атомные.

Коля сказал с гусарским смешком:

– У Гете была последняя надежда продлить жизнь, как он считал, когда в возрасте восьмидесяти двух посватался к восемнадцатилетней девице...

Леонид кивнул.

– Да, тогда считалось, что молодая девушка способна разогревать застывающую кровь старцев. Но у Гете вышел облом, он был безобразно тучен, и девица не решилась... Да и не помогло бы, как не помогут все эти современные средства. Надо не тешить себя беспочвенными надеждами, а принять свой жребий. И постараться пройти жизненный путь достойно.

Лицо скорбное, даже торжественное, словно обращался к вечности и то ли укорял ее, то ли бахвалился, что вот, дескать, как мужественно по-керкегоровски и даже а-ля Камю смотрит в лицо беспощадному небытию.

Жанна сказала мягко:

– Вы слишком всерьез это принимаете. У Володи это вызвано... ну, вы же знаете, особыми причинами.

– Его потряс, – поддакнул Аркадий, – сам факт, что мы – смертны. Обычно об этом не думаем. Мы все живем, как будто мы бессмертны. А тут вдруг пришлось взглянуть в лицо беспощадной реальности.

Я помалкивал, обо мне говорят, как о свихнувшемся, ну да ладно, пусть говорят. Так они самоутверждаются, так они выше, умнее и вообще. Но когда я смотрю на них, то приходит в голову дикая мысль, что как раз их знания и усвоенный пласт многовековой культуры и является тормозом на пути понимания новых реалий.

У меня, к примеру, нет этой высокой культуры, потому легко усваиваю все новое, даже если это новое подобрал на помойке. А вот они хорошо и твердо знают, что возможно, а что невозможно, что противоречит высшим ценностям, а что в струю, они видят плавное течение жизни, а я вижу впереди, вот прямо на следующем шаге, период сокрушающей переоценки ценности жизни. Все века и тысячелетия человек мечтал просто выжить, уцелеть. Кроме того, еще важнее было выжить клану, общине, племени, ведь там дети, кровь, ростки, и человек

все века воспитывался в убеждении, что жизнь клана важнее жизни индивидуума. И потому самоотверженно жертвовал жизнью ради процветания племени: бросался в разлом на римском форуме, клал руку в огонь, ложился на амбразуру.

Сейчас же, когда исчезают не только кланы и племена, но и народы стремительно сливаются в человечество, отпадает необходимость жертвовать жизнью ради победы «синих» над «оранжевыми». Сейчас границы почти открыты, миллионные стада туристов туды-сюды, как тараканы, и видят, что и те и другие вообще-то одинаковы и вообще воевать не за что.

В этих условиях ценность человеческой жизни неизмеримо выросла сама по себе. Или сама собой.

Аркадий сказал участливо:

– Володя, а может быть, в самом деле... вам стоит заглянуть к психоаналитику? Я могу порекомендовать одного, прекрасный специалист. И все те тайны, которые вы ему скажете, умрут вместе с ним...

Я сказал устало:

– Аркадий, это вам всем нужно к психоаналитику. Стремление избежать смерти – самое естественное и здоровое желание. Любой зверь убегает от опасности! Это инстинкт. Только зверь еще не знает, что помимо смерти в когтях хищника есть еще смерть от старости, а человек вот знает. И тоже старается избежать. Пока только здоровым образом жизни да пластическими операциями, но когда-то...

– Ну-ну, – сказал Аркадий поощряюще.

Я ответил, хотя и понимал, что им как о стенку горохом, а я только выгляжу дураком:

– Когда-то человек добьется того, что люди перестанут умирать. Мне кажется, сейчас все выступают против бессмертия по принципу «зелен виноград». Горько допустить мысль, что бессмертие все-таки будет достигнуто через три-четыре поколения, но мы не доживем!.. Вот и начинаем придумывать оправдания, почему нужно умирать. А если предположить, что бессмертие открыли сегодня и уже сегодня мы можем жить столько, сколько хотим... как бы вы поступили?

Аркадий сказал поспешно:

– Взгляды от материальных выгод не меняют!

– А почему? – спросил я. – Ну наивный я такой вот, не понимаю: почему на самом деле должны отказываться? А от долгой жизни вижу только выгоды. Не говоря уже о самом главном доводе...

Все замолчали, Аркадий спросил осторожно:

– Каком?

– Просто жить хочется, – ответил я.

Даже Коля наконец уяснил, что я не пью, а если пью, то фруктовые соки, мне наливать не стал, зато остальные пили, как мальчишки, которым нужно обязательно «перепить» один другого, потому ревниво следили друг за другом, чтобы не пропускал, а то я пью, а он – нет, как можно, нечестно, неспортивно.

Я по настойчивой просьбе Леонида и Михаила начал довольно нехотя рассказывать, каким будет мир, по моему мнению, через пару десятков лет, а лучше – лет через пятьдесят, когда жизнь человеческую начнут продлевать и продлевать до тех пор, пока смогут открыть или изобрести бессмертие.

Слушали не только они двое, даже их жены притихли и ловили каждое слово. Я сообразил наконец, что в самом деле для них эксперт: постоянно слежу за этими новостями, которые никогда не бывают на первых страницах газет или на телевидении. Даже утонченный Аркадий и то гораздо лучше знает, с кем очередной шоумен поссорился, помирился или вступил в однополый брак, чем ответит насчет марсохода или космического аппарата «Кассини».

И все-таки это он, выслушав достаточно внимательно, вскричал патетически:

– Володя, какой-то уж совсем жуткий мир ты нарисовал! Я не хотел бы в нем жить!

И огляделся горделиво, как дуче на трибуне, полагая, что это и есть самый весомый довод. Вот он, такой замечательный, не восхочет жить в том мире, значит – тому миру сгинуть, как же он, этот мир, обойдется без него, уникального?

Я сжал челюсти, этих уникальных столько, что хоть дороги асфальтируй. Прошрое столетие простому человечку постоянно льстили, что каждый человек – уникален, самобытен и вообще – целая вселенная! Это как доски в заборе, к ним если очень долго присматриваться, тоже можно заметить уникальность: в одной сучок в одном месте, в другой – в другом, а третья так и вовсе треснутая...

Вежливый я донельзя, а то бы прямо в лоб закатал, что, дескать, обойдутся... вернее, обойдемся, в своем жутком мире без него. Никто его и не приглашает в общество, которое я нарисовал. Даже будет проситься – не пустим. Когда-то неумелых и криворуких охотников вообще изгоняли из племени, потом пришел гуманизм, ни к чему не годных начали кормить бесплатно, а они в ответ до сих пор пытаются совершать революции, чтобы изменить такое общество, создают молодежные банды, пингвинозащитничество, а также все виды андеграунда. Сейчас эта лафа кончилась.

Не по нашей воле кончилась: барьер для перехода из личиночного стаза «человек» в более высокий, трансчеловечество, настолько высок, что большинство из этих простых никогда не перешагнет. Для них это «перешагнуть через морально-этические установки», хотя все, что мы делаем, напрямую вытекает из базовых установок развития человечества и полностью соответствует самым что ни есть морально-этическим.

Коля спросил с интересом:

– Володька, а почему же остальной народ не ломанулся, подобно тебе, к этому... бессмертию? Они все, все дураки?

Аркадий предостерегающе покашлял, намекая, что я пережил тяжелую душевную травму и на этой почве сдвинулся. Теперь у меня мозги малость иначе повернуты, потому я все понимаю не как все нормальные люди. С такими мягше надо, мягше, еще мягше!

Я перевел дыхание, сказал ровным голосом, без всякой горячности, чтобы не выглядеть этим самым сдвинутым:

– Из-за того, что жизнь коротка, настолько коротка, что нет смысла пытаться продлить ее праведной жизнью: ну какая разница, если при разгульной и несдерживаемой проживешь до семидесяти, а если на диете, да еще откажешься от алкоголя, курения, обильной пищи, крепкого кофе, доступных женщин – то жизнь продлится аж на два-три года? А человек, который не гусарствует, видит все несколько иначе. К примеру, идет по улице, видит – огромная куча дерьма...

– Фу, – сказала Жанна и скривилась.

– Кто-то из бомжей нафекал, – продолжил я с той невозмутимостью, под которой кроется злость, – прямо посреди тротуара! Да столько, что ой-ой!.. Можно, конечно, обойти, но вот мы видим, как вполне приличный человек с удовольствием вступает в это дерьмо...

– Фу, – сказала Жанна громче, – Володя, как ты можешь?

– Вступает новенькими ботинками, – злорадно продолжил я, – затем вообще брякается туда и возится задом, перекачивается с боку на бок, а в довершение всего зачерпывает остатки обеими пригоршнями и размазывает по своему лицу...

Альбина встала и с достоинством удалилась на кухню. Спина прямая, ноги хоть и полные, но сохранили форму, а задница ну просто огромная. Коля с удовольствием проводил ее взглядом.

– Ну ты даешь, – возмутился он, – с чего бы он стал в дерьме валяться? Да еще с боку на бок?

Света с дивана смотрела на меня с беспокойством.

– Да, Володя, – заговорила она, – ты что-то завернул уж очень сложное. Наверное, компьютерное?

– Да, – сказал и Михаил, – какой-то слишком сложный образ.

– Да? – спросил я. – А вот наш Коля подтвердит, что бывает. И часто. Так проделывает кое-кто из наших друзей...

– Ну-ну?

– Да вот Коля сам вчера рассказывал, как он ужрался в их компашке? Не помнит, кто и домой привел! А как рассказывал, как они жрали, как свиньи, как кто кого перепил и как начальник отдела первым отрубился, его повели было спать в другую комнату, но уронили, потеряли, квартира ведь ого-го, трехкомнатная, заблудиться легко!.. Так и проспал он до утра на полу на собачьем коврике...

Коля гордо ухмыльнулся, Светлана хихикнула, я развел руками.

– Видите, вам смешно! И весело. И ничего не видите в том, что эти люди добровольно довели себя до состояния свиней... да при чем тут свиньи? Это даже весело. Поощряется нами, то есть обществом, общественным мнением! Разве мы не общественное мнение? Для меня пьяный – то же самое, что вывозившийся в дерьме! К тому же сам, добровольно. Шел себе, увидел дерьмо, мог бы обойти, так нет же, дай вымажусь... вот такой я герой. А потом с гордостью буду рассказывать друзьям и коллегам, как ужрался, облевался. Ну прямо всего вывернуло... вон Настенька в прошлый раз рассказывала, как в обнимку с унитазом всю ночь простояла на коленях...

Настена сказала возмущенно:

– Неправда!

– Что, не стояла?

– Я жаловалась, а не хвасталась!

Все посматривали понимающе, каждый тоже преувеличивает свои подвиги в этой области, я чувствовал, что пора бы остановиться, я же рублю основной столб нашей цивилизации, но нечто изнутри меня продолжало говорить:

– Но ведь о таком стыдном поступке... все-таки пьянство нехорошо, правда?.. О таком стыдном можно бы и промолчать? Даже лучше помолчать? Но не промолчала же, верно?.. Рассказывала долго, с подробностями, похохатывала, и все вокруг похохатывали одобрительно. Это все от нашего осознания, что жизнь коротка, что все равно помрем. А раз так, то какой смысл вести себя чисто и праведно, Бога ж все равно нет, так гуляй, Вася... ну пусть Коля, извини, это поговорка такая, а так вообще ты гуляешь так, что любой Вася позавидует...

Коля гордо приосанился, но Аркадий смолчал, да и Михаил с Леонидом смотрят как-то странно. Жанна опомнилась первой, защебетала, оглянулась в сторону кухни, оттуда плывут мощные запахи крепкого кофе.

– Ой, Альбиночка уже сварила! Какая умница, всегда вовремя...

– Это Анатолий варил, – наябедничал Коля. – У нее бы сбежал и все плитку бы тебе залил!

– Типун тебе на твой великий и могучий!

Весело, с шуточками и приколами отправились пить кофе, но какой-то осадок остался, зря я так резко. Вообще от меня никто подобного не ожидал. Обычно я отсиживался рядом с Каролиной, которая брала на себя все светские разговоры, а я только улыбался и кивал, счастливый, что попал в такое высокое общество. Их не изменить, это мне можно меняться: я – внизу, мне нужно карабкаться вверх в «приличное общество», я могу и должен воспринимать что-то новое, а они уже достигли благополучного культурного уровня.

Потому, когда расходились, прощались особенно сердечно, обнимались, целовались, обещали чаще звонить и чаще встречаться. Светлана довезла меня до моего дома, спросила тихо:

– Ты в самом деле так изменился?

– Разве не видно? – пробормотал я.

– Видно, – вздохнула она. – Ты как-то резко повзрослел... Не сердись, но ты выглядел, да и был мальчишкой рядом с Каролиной. А сейчас зрю не мальчика, но мужа.

– Разве это плохо? – спросил я, защищаясь.

– Нам, женщинам, нет. Но, наверное, тебе самому неуютно?

Я посмотрел в ее мудрые женские глаза, что если что и не поймут, то безошибочно почуют.

– Честно говоря, да. Но мне так нравится.

Я начал открывать дверцу, она сказала в спину:

– Что, так и не пригласишь меня зайти?.. Ладно-ладно, шучу, не надо такое лицо. Держись, Володя!

2010 год

Провалилась очередная попытка создать заслон против игры транскорпораций: когда мощными денежными вливаниями создаются условия для оранжевых революций. В одной многострадальной Украине, где начало положила померанцевая революция Ющенко, прокапались одна за другой сразу три: блакітна – под руководством батька Грицайло, шабельна – Кондратюка, а недавно всех смела кайловая, ее возглавили братья Костюковские. Всякий раз отменялись все предыдущие законы, полностью сменялось правительство, дважды даже вводили новые деньги: первый раз – бандеровки, второй – петлюровки.

Народу это так понравилось, что, когда братья Костюковские сформировали правительство и правили два года, начались толки, что пора бы снова что-нить подобное, это ж как весело: палатки на Майдане, бесплатная жратва и пиво, танцы, песни, разгул, а где-то можно побить автомобили и пограбить какую лавчонку, никто не пикнет против справедливых революционеров, выражающих чаяния...

Экономика вошла в глубокий штопор, как-то не тянет работать, когда некто может вбросить миллиарды долларов только на то, чтобы вышли на площадь и с песнями и плясками требовали смены правительства и отставки президента.

Самая азартная игра велась между гигантами Sony, которая подмяла и в Штатах две трети всей электроники, правда, сама обамериканизовавшись, и объединением Микадо-2: те и другие ухитрились сменить правительства в трех десятках стран, но самое чудовищное для простого человека было в том, что никакой заметной выгоды супергиганты для себя не искали. Так, игра, вроде гольфа для особо важных персон.

Журналисты подсчитали, что Sony сменили восемнадцать правительств, а Микадо-2 – двадцать семь, причем в Грузии у них ведется постоянная игра, правительства и парламенты там сменяются, как в калейдоскопе, народ ликует, всем теперь только хлеба, зрелищ и революций, работа не в чести, когда перманентная борьба за более светлое будущее... а тем временем останавливаются заводы, устаревает оборудование, однако население живет за счет огромных денежных вливаний в противоборствующие партии.

Но особый счет идет не на смену правительств, это уже привычно, а на смену режимов. Если начиналось все как замена тоталитарных режимов демократическими, то, когда везде угнездилась эта одинаково серая демократия, Микадо-2 сумела отыскать потомка последнего грузинского князя, сформировала вокруг него оппозицию, щедро профинансировала пропагандистскую кампанию, и однажды новая волна «революции роз» совершенно бескровно и демократически смела прогнивший режим, оторвавшийся от народа, и поставила во главе страны князя Кукаридзе, объявив монархию.

В ответ Sony поработала в соседней Армении, вливание в оппозицию составило около двух тысяч на человека, что втрое превышало богатство всей Армении. Это дало возможность так же бескровно и демократично сместить проворовавшихся президента и его карманный Кабинет министров, а во главе страны встал Верховный Каталикос всех армян Вазген Восемнадцатый.

Обозреватели спорили, как на футбольном матче: что круче – монархия или теократия, а Sony и Микадо-2 исподволь вели подрывную работу в странах соперников. К несчастью, оба преуспели почти одновременно: в Грузии возмущенный народ опомнился и сместил князя, а с ним отверг и устаревшую, вообще-то опереточную монархию, взамен заслуженно поставив во главе патриарха грузинской церкви, а в Армении вдруг появилась стремительно растущая партия монархистов-атеистов, она распространила свое влияние на всю Армению, ее представители однажды ворвались в парламент и объявили, что власть переходит к королю Гугену Первому, а режим отныне будет монархическим.

2011 год

Букв не хватает катастрофически. На каждое слово нацеплено уже столько значений, что приколистам, эстрадным остроловам и игрословщикам – такое раздолье, что уже неинтересно. И так любая фраза, даже самая невинная и прямая, приобретает два-три двусмысленных оттенка, а если еще не отшлифовать перед тем, как брякнуть вслух, то вообще такое тебе припишут, что можно сразу на виселицу.

Сперва эта жесткая привязка к буквам раздражала, потом начала тормозить общение «золотого миллиарда». Именно им, остальным шести миллиардам вполне хватает словаря Элочки. Верхнему эшелону перестало помогать даже заимствование из других языков, когда привычным «там» словам «здесь» даются другие значения, как, к примеру, driver у нас вовсе не водитель, а file вовсе не вырезка из рыбы.

Начинается переход на импы, хотя и не насильственный, но все равно болезненный. Старшее поколение в ауте. Новое бурлит, разделилось, споры переходят в драки. Хорошо, хорошо, пусть дерутся. Это лучше, чем митинговать и пытаться мешать глобализации или наступлению высоких технологий.

Дураков хватает, и всегда они, именно дураки, пытались остановить технический прогресс, прикрываясь лозунгами о защите простого и даже очень простого человека.

Биодобавки – дело все еще новое, производство развивается хаотически. И, как в любое новое дело, сулящее огромные прибыли, сюда хлынула масса жуликов и темных дельцов. Я чувствовал себя ветераном движения, уже сам мог с высоты опыта что-то посоветовать, хотя это дело гиблое – каждый считает, что только ему ведома истина, я же слежу за всеми новинками, стараясь понять: рекламный трюк жуликов или же в самом деле создано нечто обещающее повысить индекс здоровья?

Снова в моду входит йога, траволечение, но это для тех, кто не может позволить себе дорогие препараты. Я, к счастью, могу, но с биодобавками тоже надо меру знать, однако где она, та мера? Жру все, что обещает здоровье и долгую жизнь...

А сегодня на первые полосы в новостях вышел грандиозный скандал. На этот раз не чистки в правительстве, не финансовая пирамида: омовцев не хватило для грандиозной операции собственных сил, подключили фээсбешников, провели совместную и взяли по стране около двухсот фирм, арестовали и опечатали две тысячи складов, с которых в продажу поступали поддельные биодобавки.

На этот раз не просто умышленное копирование, при котором поддельное практически неотличимо от оригинала и пользу все равно приносит, не плацебо, когда вместо необходимых компонентов продаются пустышки из смеси муки и крахмала: в лаборатории провели тщательный анализ и определили, что использовались чрезвычайно токсичные вещества. Вряд ли по злому умыслу, скорее всего – по глупости и невежеству, желанию поскорее сколотить состояние на очередной моде.

Я сделал запрос, среди опасных добавок оказалась треть тех, которыми я перестраивал биохимию организма. Я представил себе, что скажет Аркадий, злорадничать не будет, даже посочувствует, но его сочувствие горше злорадства: я же говорил! Я же предупреждал! Я же советовал...

Не впадая в панику, я выбросил опасные, проверился у врачей, выслушал, что посадил печень, в почках и желчном пузыре опасные камни, к тому же в поджелудочной появилось довольно крупное образование. Совсем недавно его называли «новообразование», заменив пугающее «опухоль», а «опухоль», помню, пришла на смену «раку», от которого мурашки по коже, а теперь вот вообще просто «образование». Осталось только добавить «высшее» или

«незаконченное среднее». Предложили понаблюдать, а если начнет увеличиваться – немедленно под нож.

Щас, ответил я мысленно. Имея на руках снимки и анализы, я скорректировал добавки, некоторые начал потреблять ударными дозами, и, когда через год пришел на медосмотр, тот же врач долго сравнивал новый снимок со старым, морщил нос, наконец сказал с раздражением, что в прошлый раз, наверное, сделали недостаточно тщательно.

Вообще началась, можно сказать, уже коммерческая гонка за здоровьем. Как только пошла мода на моложавых и подтянутых, с прилавков начали сметать все жиросжигающие. Медицинские центры, не веря своему счастью, получали от торговых фирм многомиллионные заказы на новые кремы, гели, спреи, которые оздоравливают, омолаживают, улучшают, подтягивают, разглаживают, убирают.

Медицина, ощутив к себе дружественное внимание общественности и финансовую помощь воротил, заинтересованных жить дольше, начала резко ускоряться с исследованиями. Из ведущих клиник то и дело поступают сообщения про открытие какого-то уникального метода либо оздоровления, либо омоложения, либо радикального продления жизни, но еще больше опровержений. Взять только многострадальный кофе, его с тупой регулярностью заносят то в крайне вредные, еще Вольтеру на это указывали, что пьет яд, а он соглашался, что да, яд, но только медленный, убивает его вот уже шестьдесят лет, то находили в нем жутко полезные вещества и так реверсировали каждые пять лет. Последнее время такое же с красным вином, которое то продляет жизнь, то сокращает, то продляет, то сокращает, то вызывает рак, то предотвращает все виды рака...

Аркадий начинал проявлять вполне понятный интерес, годы-то идут, никто из нас не становится моложе, Жанна стареет, сам хоть еще не развалина, но уже и не орел, сегодня вот зашел в гости, от кофе отказался, долго и дотошно расспрашивал про биодобавки, по моим ссылкам заглянул в Интернет, скрупулезно вчитывался, ходил по гипертекстам.

Вздыхнул разочарованно.

– Это все лишь догадки, – сказал он мягко. – Предположения. Желания... Но почти нет клинических подтверждений...

– Как же нет? – воскликнул я. – А вот... и вот?

– Шутить? Смотри, здесь на мышах, а здесь на морских свинках!

– А вот на людях!

– Небольшая клиника, – уточнил он, – а для проверки выбрали группу из пятидесяти человек. Не смешно ли? Не из пяти миллионов, как было бы верно, а всего из пятидесяти человек! К тому же кто знает, по каким параметрам подбирали?

Я спросил:

– Но что делать?... Время уходит!

Он усмехнулся.

– Куда торопишься? Мы еще молоды. Пусть рискуют те, кому за семьдесят. Им все равно вот-вот склеивать ласты. А так, глядишь, сумеют продлить еще на десяток лет. Я лучше подожду, когда будут результаты. В смысле, подтвержденные исследованиями в других клиниках. Да и того мало, надо еще понять, как это отразится потом.

– Каком «потом»?

– Ну, сейчас эта вакцина навеки избавит меня от гриппа, а через десять лет те изменения в организме, что проделала вакцина, не приведут ли к быстрому и необратимому раку? Или чему-нибудь пострашнее?

Я сказал с натужным оптимизмом:

– Кто не рискует, тот не пьет вместе с рыбами. И того не хоронят в гробу из красного дерева.

– Ты не был человеком риска, – заметил он с некоторым удивлением. – Извини, но трагедия с Каролиной совсем выбила тебя из колеи. Увы, все мы смертны, тут ничего не поделаешь. Просто ты увидел смерть слишком близко. Просто не думай о ней. Относись как к некому философскому понятию. Или философской категории.

После его ухода я сидел, несколько поколебленный, на биодобавки старался не смотреть вовсе. Потом в ванной долго рассматривал себя в зеркало. Неужели Аркадий прав, а я всего лишь отчаянный трус, которого настолько потрясла смерть близкого человека, что я тут же примерил к себе, ужаснулся и теперь всячески стараюсь увильнуть от предначертанного?

Правда, у меня великая цель, но не лгу ли я сам себе, выставив, как щит, эту великую цель, мол, не для себя стараюсь, а на самом деле отчаянно трушу и делаю все только для себя?

Вернувшись в комнату, лег, не спуская взгляда с портрета Каролины. Нет, все-таки для нее, мы так устроены. Живем для женщин, стараемся для них, все только для них. Просто в моем случае переплелось так, что одно невозможно без другого. Я должен суметь дожить до того времени, когда сумею ее воскресить.

С утра дозвонился до стоматологии, записался на прием, а с обеда, оставив Линде в мисочках воды и мяса с рисом, отправился на муки. Последний раз был в клинике год тому, тогда вырвали один зуб и запломбировали два, помню этот кошмар, но сейчас то ли прогресс в стоматологии, то ли потому, что платная, но как будто в другой век попал: без боли, без ожидаемого ужаса. Я все время ждал, когда же начнется жуть, из-за чего все мужчины с нормальной психикой избегают дантистов, но тончайшими иголочками, даже не ощутил уколов, впрыснули что-то в десна, а потом вскрыли их, как хозяйка рыбу, и начали потрошить.

Оказывается, нет на свете человека с запущенными зубами, который не страдает пародонтозом в той или иной степени. Обычно не замечаем даже, разве что кровь из десен, но зубы портятся, расшатываются, могут начинать выпадать сами по себе.

Чистила десны и прикладывала тампоны милая такая среднего роста блондинка с короткими волосами, строгим удлинненным лицом. Похоже, раньше работала детским врачом: очень внимательная, и, увлекшись копанием в моем рту, иногда говорила успокаивающе: «...все-все, маленький, заканчиваю... Потерпи чуть-чуть, это последний здесь укол...», хотя я так и не почувствовал ни боли, ни какого-то особого неудобства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.